

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции**

**Философия, культурология, социология
и религия: история и современность**

30 апреля 2016 г.

Нижний Новгород
www.scipro.ru

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

**ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И
РЕЛИГИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Сборник научных трудов
по материалам I международной
научно-практической конференции**

30 апреля 2016 г.

www.scipro.ru
Нижний Новгород 2016

УДК 101
ББК 87

Ф 51

Редакторы:
Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк

Философия, культурология, социология и религия: история и современность: сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции 30 апреля 2016 г. - Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука» - 2016. - 144 с.

ISBN 978-5-00-005767-8

В сборнике научных трудов рассматриваются проблемы философии, культурологии, социологии, религии по материалам научно-практической конференции «Философия, культурология, социология и религия: история и современность» (30 апреля 2016 г.).

Сборник предназначен для практиков, руководителей всех уровней, научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору No 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте <http://www.scipro.ru>.

УДК 101
ББК 87

ISBN 978-5-00-005767-8

@ Редакторы Н.А. Краснова,
Т.Н. Плесканюк, 2016

@ Коллектив авторов, 2016

@ Индивидуальный предприниматель
Краснова Н.А., 2016

Содержание

Секция 1. Актуальные вопросы философии.....	5
Богданова В.О. Конструктивистский подход к проблеме ценностных предпочтений личности	5
Ивлева М.И. Экофилософский анализ гносеологических воззрений Н.О.Лосского.....	11
Кораблев Д.Г. Развитие теорий «зеленой» экономики как отражение экологического императива в трудах российских ученых.....	18
Михайлова А.В. О виртуальности как форме бытия.....	25
Приходько А.В. Вопросы соотношения демографии, религии и просвещённого абсолютизма в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера.....	34
Чернышева Е.Н. Категория «глобальный культурный код».....	39
Секция 2. Философия современной культуры и социокультурное развитие.....	45
Баркова Э.В. Образ аватара в проекте экофилософии межкультурных коммуникаций.....	45
Бузская О.М. Философия корпоративной культуры современного вуза: проблемы освоения и развития.....	55
Григорян А.Э. Мыследеятельность как коммуникативный проект в концепции Г.П. Щедровицкого.....	62
Иванеев С.В. Социально-философский смысл принципа коэволюции образовательного и социокультурного пространства.....	70
Кузнецова Ю.А. К исследованию проблемы бытия личности в контексте социальных коммуникаций.....	79
Понизовкина И.Ф. Тенденции развития современного сообщества и перспективы семьи как социального института.....	85
Предовская М.М. Проблема мужественности в современной гендерной идентичности.....	95
Сопина Е.Л. Роль мужчины в современной семье.....	103
Старков С.А. Экологическая политика как категория философии экономики.....	107
Секция 3. История, идеология, функции и философия мировых религий.....	118
Елизаров М.В. Сравнительный анализ государства Спарты и Афин.....	118
Чеснова Е.Н., Мартянова Е.Г. Современное историческое сознание и эсхатологические представления развития истории.....	126
Секция 4. Глобализация, цивилизация и мораль.....	132
Андреев О.М. Глобалізація як філософська проблема.....	132
Егоров Д. А. Философские аспекты глобализации.....	136

Секция 1. Актуальные вопросы философии

УДК 140.8

Богданова В.О. Конструктивистский подход к проблеме ценностных предпочтений личности

Constructivist approach to the issue of individual value preferences

Богданова Вероника Олеговна
Челябинский государственный педагогический университет, г. Челябинск
verovictory@mail.ru

Bogdanova Veronika Olegovna
Chelyabinsk State Pedagogical University, Chelyabinsk

Аннотация. В статье раскрываются особенности ценностных предпочтений личности с позиции философского конструктивизма. Ценностные предпочтения личности рассматриваются в соответствии с конституирующей функцией сознания, способствующей лучшей адаптации индивида в социокультурной реальности.

Ключевые слова: конструктивизм, конструкты, ценности, адаптация.

Abstract. The article reveals the peculiarities of value preferences of the person with the philosophical position of constructivism. The value preferences of the person addressed in accordance with the constitutive function of consciousness conducive to a better adaptation of the individual to the social and cultural reality.

Keywords. Constructivism, constructs, values, adaptation.

Процесс формирования ценностных предпочтений личности в полной мере раскрывает философский конструктивизм, который отрицает возможность описания ценностей с гносеологической позиции, т.е. с точки зрения истинности или ложности. Ценностные предпочтения личности имеют скорее служебный

Статья подготовлена в рамках задания "Методологическое значение теории ценностей в прикладных социогуманитарных исследованиях" Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности

характер, т.е. полезны для установления гармоничных отношений между человеком и природой, индивидом и обществом. Отвечая на вопрос о происхождении и формировании ценностных предпочтений личности, конструктивизм прибегает к двум способам объяснения – к натуралистическому и социальному. Но оба способа приводят к идее, что ценностные предпочтения личности тесно взаимосвязаны с конституирующей функцией сознания. Конструкты сознания мыслятся как объективные законы. Само понимание объективной природы ценностей трансформируется с позиции неклассической рациональности в особое видение субъект-объектных отношений, где смысл обретается только со ссылкой на другой смысл. Любое знание содержит в себе единство субъективного и объективного, поэтому познание мира есть, по сути, конструирование значимых для жизни когнитивных структур, которые позволяют человеку вписаться в природную и социокультурную реальность.

Австрийский этолог и философ К. Лоренц считал, что все ценности являются продуктом биологической и культурной эволюции. Они создавались для приспособления особей и индивидов к природной и культурной жизни. Каждый человек появляется на свет с врожденными когнитивными механизмами, накладывающими влияние на репрезентацию действительности. В процессе развития к врожденному аппарату прибавляется духовная, культурная настройка. Вместе они служат основой для создания рабочих гипотез, определяющих направление приобретения знаний. Духовная надстройка поставяет информацию, которая заключена не в геноме, а содержится в традиции культуры. Традиция более вариативна, чем геном и быстрее трансформируется под изменчивую среду, поэтому она менее испытана и надежна, но лучше подходит к современным требованиям [4, с. 398-399]. Сформированные представления о ценностях можно рассматривать как способы и формы адаптации к условиям среды, они соответствуют социальной реальности ровно настолько, насколько они

обеспечивают жизнеспособность сформированных когнитивных структур. Знания о ценностях трактуются в духе прагматизма – это те знания, которые наиболее эффективно выполняют свою главную функцию – делают организм наиболее приспособленным к жизни в коллективе, расширяя пространство опыта за счет возможности успешного предсказания реакции окружающих людей на разные формы поведения.

Продолжение развития идеи о ценностных предпочтениях как о способе адаптации можно найти в дискурсе радикального конструктивизма. Радикальный конструктивист У. Матурана описывает человека как релятивистическую, самореферентную, детерминистическую систему, он создает картину мира исходя из заранее принятых им предпосылок, в качестве которых выступает его представление об истине. Главной задачей для человека является осознание самого себя через наблюдения своих когнитивных процессов и осознанный выбор системы отсчета для конструирования системы ценностей. Но человек всегда избегал этой задачи, он либо обращался к Богу как к абсолютному источнику истины, либо прибегал к самообману с помощью разума.

Матурана отмечает, что человек может применить свой разум для обоснования удобных для него самых представлений. Предельная истина, лежащая в основе рационального поведения человека, предопределена его личным опытом и предстает как акт выбора, в котором выражается предпочтение, не передающееся рациональными средствами. Следовательно, альтернативой разуму, как источнику универсальной системы ценностей, служит эстетическое искушение в пользу такой системы отсчета, которая согласуется с его желаниями [5, с. 412-415]. В основе выбора ценностных предпочтений лежит принцип личной пользы, индивид выбирает то, что способствует удовлетворению его потребностей, которые могут быть завуалированы рациональными объяснениями. Субъект может подкрепить выбранную установку с помощью удобной системы ценностей,

оставив в тени скрытые мотивы.

На первый взгляд может показаться, что радикальный конструктивизм приводит к субъективизму в отношении ценностей, граничащему с волюнтаризмом. Однако «невидимая рука», формирующая ценностные предпочтения, удовлетворяет желание человека жить в гармонии и мире с другими людьми. Именно поэтому субъект заинтересован в установлении правильной иерархии ценностей, в которой базовое место занимает стремление к безопасности. А затем над этим надстраивается «осознанное» приобщение к ценностям и идеалам культуры, которые в итоге личность воспринимает как нечто обоснованное.

Процесс конструирования ценностных предпочтений не является ни произвольным, ни индивидуальным проектом отдельной личности. Представители социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман рассматривают способы создания индивидуумами и обществом социальных феноменов, которые превращаются в культурные традиции и участвуют в конструировании реальности. Социальный конструктивизм настаивает на том, что индивид конструирует реальность и систему ценностей не индивидуально в своем сознании, а совместно с другими в процессе социальных практик [1, с. 39]. Конструирование происходит посредством языка в процессе общения с другими людьми. Любые теоретические конструкции являются результатами соглашения внутри социальной группы и исходят из здравого смысла и формируются и поддерживаются за счет социальных взаимодействий. Многие знания, заложенные в процессе социализации, даются индивиду а priori. Подобная преемственность знаний от общества к субъекту изначально гарантирует индивиду смысловой порядок. Эта упорядоченность опыта, хотя и связана с определенной социально-исторической ситуацией царящей в обществе, но, тем не менее, кажется индивиду естественным способом видения мира, он принимает его безоговорочно и чаще всего до конца не осознает [2, с. 70].

Таким образом, социальное знание о повседневном мире и о ценностях является конструктом, который кажется естественным и очевидным, хотя он искусственно создан, принадлежит определенной культуре или общности. Социальные конструкты передаются новому поколению и воспринимаются как знания об объективной реальности, которая, как кажется познающим субъектам, существует независимо от них. С процессом объективаций знаний связана реификация – полное овеществление социальной реальности. Человек не в состоянии охватить своим сознанием всю совокупность социальной реальности, являющейся продуктом совместного творческого конструирования индивидов, поэтому он воспринимает ее как «чуждую фактичность», как следствие «природы вещей» [1, с. 146].

В связи с этим радикальный конструктивист П. Вацлавик условно подразделяет действительность на первый и второй порядки. Реальность первого порядка – независимая от сознания действительность. Действительность второго порядка является не чем иным как мировоззрением, мыслями, чувствами, поступками и ценностями субъекта. Она конструируется в результате наложения субъектом некоторого определенного порядка на многообразие мироздания [3, с. 105]. Человек не меняет сконструированную им действительность второго порядка, пока она отвечает принципу адаптивности. Как только чувство приспособленности исчезает, человек испытывает сомнение, страх, боль, депрессию и нуждается в замене данной конструкции реальности другой «фикцией» отвечающей определенной практической цели.

Таким образом, конструктивистский подход рассматривает ценностные предпочтения личности как способы адаптации к социокультурной реальности. В процессе конструирования этих предпочтений на первый план всегда выходит созидательная творческая активность субъекта, который избирательно подходит к материалу для создания «комфортных (безопасных) зон» реальности. Субъект

обращает внимание только на те аспекты действительности, которые имеют для него важное жизненное значение. Любой индивид желает чувствовать себя гармоничной частью единого целого, поэтому своей целью ставит налаживание контактов с другими людьми. Встроенность в социальную среду предполагает осознание необходимости ценностного отношения к ней с учетом интересов других индивидов. В процессе социализации человек осваивает «инструкции» созданные обществом относительно того, что считать значимым и как поступать, исходя из этого. Опираясь на эти «инструкции», человек конструирует свои ценностные предпочтения, исходя из культурно-исторических установок социума. Многие «базовые» ценностные «инструкции» личностью не осознаются, воспринимаются как само собой разумеющиеся и реализуются без участия сознания.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медум, 1995. – 323 с.
2. Богданова В.О. Конструктивистское философствование: особенности и смыслы: монография. – Челябинск: Челябинский государственный педагогический университет, 2015. – 224 с.
3. Вацлавик П. Конструктивизм и психотерапия // Вопросы психологии. – 2001. – № 5. – С. 101-113.
4. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Мыслители XX века. – М.: Республика, 1998. – 393 с.
5. Матурана У. Биология познания. Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – 416 с.

Ивлева М.И. Экофилософский анализ гносеологических воззрений Н.О.Лосского

Ecophilosophical analysis of N.Losky gnosiology

Ивлева Марина Ивановна
Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова, г. Москва
stm602@yandex.ru

Ivleva Marina Ivanovna
Plekhanov Russian University of economics, Moscow

Аннотация. Целью статьи является анализ влияния предшествовавших гносеологических воззрений на философские взгляды известного русского философа Н.О.Лосского. При написании статьи использованы методы историко-философского анализа и компаративного анализа. В статье исследуются идеи представителей эмпиризма и рационализма Нового времени в области теории познания и проводится их сравнительный анализ с гносеологическими принципами Лосского.

Abstract. The article purpose is to analyze the influence of previous gnosiology on N.Losky philosophical views. In the research, there were used methods of historical and philosophical analysis and comparative analysis. The article investigates the ideas of empiricism and rationalism of Modern Time about the theory of knowledge and holds comparison of these ideas with Losky gnosiological principles.

Ключевые слова: экологический подход, гносеология, Н.О.Лосский, история философии, субъект, субстанция, эмпиризм, рационализм.

Keywords: ecological approach, gnosiology, N.Losky, history of philosophy, subject, substance, empiricism, rationalism.

В современную эпоху в философии становится все более востребованным экологический подход [1, 2, 3, 4], в рамках которого бережное сохранение информации о исторических памятниках философской мысли сочетается с внимательным, вдумчивым исследованием различных аспектов взаимосвязей

между философскими учениями прошлого. Настоящая статья представляет собой исследование, целью которого является проследить влияние воззрений предшествующей философии в области гносеологии на взгляды известного русского мыслителя Николая Онуфриевича Лосского (1870-1965), одного из основоположников интуитивизма в отечественной философии [6]. Интуитивизм, как философское направление, становится популярным, начиная с первой трети XX столетия [7, 11, 12], и занимает видное место в новых тенденциях развития философского знания [9, 10].

Н.О. Лосский являлся прекрасным знатоком истории западноевропейской философии [5], о чем свидетельствуют уже его ранние философские работы «Волюнтаристское учение о воле», «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма», «Обоснование интуитивизма», в которых он подробно анализирует основные философские направления и воззрения представителей XVII века, а также И. Канта, И.Фихте, Ф. Шеллинга, Э. Маха, В. Вундта.

Сам Лосский определял свое учение как эмпиризм (используя несколько синонимичных названий – интуитивизм, мистический эмпиризм и универсалистский эмпиризм), однако сравнительный анализ его воззрений с традиционным эмпиризмом, влиятельным подходом в философии Нового времени, позволяет обнаружить между ними как сходство, так и различия.

Традиционный эмпиризм, основывая всё знание на опыте, при этом не уделял достаточного внимания определению фундаментальных для него понятий, таких, как опыт и факт, и развитие эмпирических воззрений означало по большей части усложнение понимания процесса познания. Если Ф. Бэкон считает, что познанию доступны только тела и их действия, то Дж. Локк выделяет два рода познания – «рефлексия» (внутренний источник, дающий материал о деятельности человеческой души) и «ощущение» (внешний источник, ориентированный на сбор фактов об окружающем мире). Из размышлений над сущностью ощущений

эмпиристы неизбежно приходят к обособлению познающего субъекта и познаваемого объекта, при условии, что соприкосновение между «Я», субъектом, и «не-Я», окружающей его реальностью, осуществляется путем воздействия внешнего объекта на субъект. Следовательно, в эмпиризме складываются следующие предпосылки: 1) «Я» и «не-Я» обособлены друг от друга, 2) опыт есть результат действия «не-Я» на «Я», 3) ощущения суть «мои» субъективные состояния сознания. Акцентирование на субъективности ощущений и обособление «Я» и «не-Я» друг от друга не позволяет эмпиристам, сначала в лице Дж. Локка, а затем и Д. Юма, развить идею субстанциальности, включив в нее транссубъективные элементы, например, такие, как осознание субстанциальности. Поэтому для Юма, самого позднего эмпириста эпохи докантовской философии, субстанция есть не более чем привычное для человека сосуществование ощущений, которые представляют собой фактические переживания. Понятие причинности у Юма подвержено той же логике, что и идея субстанции: причинность – это часто повторяющаяся в прошлом последовательность, приводящая к ожиданиям ее возникновения в будущем. Таким образом, эмпиристы рассматривают понятия субстанциальности и причинности как сугубо субъективные состояния, тогда как для Лосского эти понятия необходимо содержат транссубъективные элементы. Для него мир «Я» и мир «не-Я», в отличие от традиционных эмпиристов, составляют единое целое, не допускающее их обособления друг от друга. Кроме этого, согласно Лосскому мир «Я» состоит не только из субъективных, но и транссубъективных внутрителесных состояний.

Субъективность ощущений как гносеологическая предпосылка процесса познания в конечном счете порождает в эмпиризме еще одно следствие, а именно: неуверенность не только в знании, но и в существовании внешнего мира. Наметившаяся еще у Локка, эта тенденция получила своё закрепление у Юма: достоверность существования внешнего мира не может быть доказана, более того,

противоречит разуму. Лосский категорически отрицает подобные утверждения, хотя и отмечает логическую связность в их построении. Логическая выверенность выводов эмпиристов не устраняет того ложного допущения, что весь материал знания есть «мои» состояния сознания. Согласно Лосскому, состояния сознания разнородны, а по отношению к знанию, т.е. распознанным состояниям сознания, выделяются не только «мои» («принадлежащие мне»), но и «данные мне», т.е. транссубъективные.

Это изначально ложное допущение эмпиристов приводит к констатации трансцендентности знания, совершаемого как процесс в субъекте, но имеющего в то же время непосредственное отношение к вещам, процессам и явлениям, находящимся вне этого познающего субъекта. Именно тогда и возникает проблема, постулированная Юмом, а именно, каким образом процессы мира «не-Я» могут стать реальностью мира «Я», субъекта. Возражая традиции эмпиризма, Лосский утверждает и отстаивает принцип имманентности знания, считает, знание о внешних вещах доступно субъекту столь же непосредственно, как и знание своих внутренних состояний.

Докантовский рационализм в лице Р. Декарта, Б. Спинозы и В. Лейбница, как и эмпиризм, придерживается тех же предпосылок – обособление «Я» и «не-Я» и исключительную субъективность состояний субъекта, результатом чего становится вывод о трансцендентности знания, поскольку оно есть копия внешней действительности в познающем субъекте. Схожим образом понимается и сущность опыта, как результат воздействия внешнего мира на мир «Я». Различие между эмпиризмом и рационализмом обнаруживается в понятиях действия и причины. Для эмпиристов причина и действия совершенно не связаны между собой и потому принадлежат к различным видам деятельности – субъект может знать свои ощущения, но не знать природы тех внешних сил, которые их произвели. Рационалисты утверждают точное соответствие между причиной и

действием как основанием и следствием, а потому в действии не может более того, что уже содержится в причине. Однако это не меняет их понимания опыта: для них опыт сохраняет приоритет чувственных восприятий, тем самым складывается из состояний познающего субъекта, не адекватных вещам и процессам внешнего мира.

Это понимание находит свое развитие в философских воззрениях Спинозы и Лейбница. Спиноза, хотя и не признает человеческого индивида в качестве субстанции, привносит в чувственный опыт элемент объективности в результате признания наличия в нем определенной доли транссубъективного. Транссубъективные элементы опыта возникают через взаимодействие различных тел на человеческое тело, что приводит к изменению последнего, несущего отныне в себе части как внешнего мира, так и своего, внутреннего. Этой же точки зрения придерживается и Лейбниц. Он также склонен определять опыт через чувственное знание, которое образуется через взаимодействие человеческого тела с другими телами, и допускает в нем наличие объективных элементов. Однако чувственный опыт дает лишь смутные идеи: согласно Спинозе, из-за смешения субъективных элементов с объективными, по Лейбницу – из-за сложности внешнего мира. Но как с точки зрения опыта объяснить происхождение идей, которые существуют в субъекте ясно и отчетливо? Рационалисты отрицают чувственное происхождение этих идей и выдвигают принцип их врожденности, то есть, эти идеи возникают непосредственно в субъекте (в разуме) и заключают в себе адекватное знание. Таким образом, рационалисты выстраивают систему знания из состояний познающего субъекта – субъективных ощущений, из которых складывается опыт и врожденных идей, образующих необходимое и всеобщее знание.

Из всего вышесказанного становится ясно, что основное внутреннее противоречие в теории познания и у эмпиристов, и у рационалистов состоит в

столкновении понятий трансцендентности и имманентности, вытекающее из обособления «Я» и «не-Я». Н.О. Лосский, предлагая свою «новую гносеологию», настаивает на том, что необходимо отказаться от самой идеи трансцендентности знания по происхождению или значению. Эта процедура возможна через признание первоначального единства субъекта и объекта. Лосский предлагает три формы объединения субъекта и объекта: 1) субъект растворяется в объекте, 2) объект включается в субъект (кантовская теория познания), 3) субъект и объект образуют неразрывное единство на правах самостоятельного существования по отношению друг к другу. Именно третью форму связи субъекта и объекта и пропагандирует Лосский в своем учении интуитивизма. Для него имманентность знания раскрывается в непосредственной данности внешнего мира субъекту, субстанция есть самостоятельная человеческая индивидуальность, а причинность по сути представляет волевая активность субъекта.

Библиографический список

1. Баркова Э.В. Информационная экология в структурировании пространственно-временного континуума общества знаний // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 96-100.
2. Баркова Э.В. Экофилософия в поисках оснований теории природно-культурного наследия // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 4 (8). С. 3-8..
3. Бузская О.М. Современные социокультурные коммуникации: эколого-аксиологическое измерение. Диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, 2014.
4. Бузская О.М. Экологическая безопасность как критерий развития межкультурных коммуникаций // Вестник Российского экономического

университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. № 1-2 (11). С. 5-12.

5. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А. Новосибирск, 2016. С. 64-66.

6. Ивлева М.И. Спиритуалистическая традиция в университетской философии в России в конце XIX - начале XX веков. Марина Ивановна Ивлева. Москва, 2003.

7. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994.

8. Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма: Пропедевтическая теория знания. СПб, 1906.

9. Понизовкина И.Ф. Миф как феномен иллюзорного сознания. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1997

10. Понизовкина И.Ф. Тема миссии России как путь к диалогу культур и цивилизаций // В сборнике: Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты Материалы Московского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева. Москва, 2015. С. 303-309.

11. Чернышева Е.Н. О роли и значении консервативных идей в обществе // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога

цивилизаций: Россия - Запад - Восток Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения». ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина». Москва - Ярославль, 2015. С. 212-220.

12. Чернышева Е.Н. Проблема рациональности социального поведения в современной западной философии: становление основных подходов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 2003.

УДК 101.1

Кораблев Д.Г. Развитие теорий «зеленой» экономики как отражение экологического императива в трудах российских ученых

Development of “green” economics theory as the reflection of ecological imperative in the works of the russian scientists

Кораблев Денис Геннадьевич
Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова, г. Москва
Inspektor199@mail.ru

Korablev Denis Gennadyevich
Plekhanov Russian University of economics, Moscow

Аннотация. Целью статьи является анализ современного состояния теории «зеленой» экономики в России. При написании статьи использованы методы историко-философского анализа и синтеза. В статье исследуются идеи российских представителей теории «зеленой» экономики, проводится обобщение их воззрений, сделаны вывод о специфике этого теоретического направления в российской науке.

Abstract. The article purpose is to analyze the modern theory of “green” economics in Russia. The author uses the methods of historical and philosophical analysis and synthesis. The article researches he ideas of the Russian representatives of “green” economics theory, generalizes their views, and concludes the specificity of this theoretical approach in the Russian science.

Ключевые слова: зеленая экономика, экологический подход, коэволюция, экологический императив, биосфера.

Keywords: green economics, ecological approach, coevolution, ecological imperative, biosphere.

Теория «зеленой», или, как ее еще называют, экологической экономики, находят все более широкое признание, как в научной, так и в общественно-политической среде. Несмотря на то, что это направление существует лишь несколько десятилетий, разрабатываемые им принципы и методы стали широко применяться для анализа системы «природа-общество-экономика» [1, 4]. Не последнюю роль в этом играет тот факт, что для решения насущных, стоящих перед обществом экологических проблем в области экономики, в этом подходе используются междисциплинарные исследования и достижения [11], интегрируются идеи экономики, экологии, других естественных и общественных наук [2], философии [3, 5, 8, 10], этики [6].

Российские ученые традиционно обращали пристальное внимание на вопросы разработки концептуальных основ взаимодействия общества и природной среды, управления социально-экологическими отношениями на международно-региональном и национально-государственном уровнях. Среди их трудов можно отметить следующие: Будыко М. М. «Глобальная экология» (1977), Дрейер О. К., Лось В. А. «Экология и устойчивое развитие» (1997), Моисеев Н. Н. «Человек и ноосфера» (1990), Моисеев Н. Н. «Коэволюция человека и биосферы (кибернетический аспект)» (1985), Реймерс Н. Ф. «Надежды на выживание человечества: концептуальная экология» (1993), Сосунова И. А. «Социально-экологический мониторинг» (1997).

Особое внимание заслуживают научные достижения в области эко-экономики академика Н. Н. Моисеева. Исследуя философские аспекты проблемы,

Н. Н. Моисеев вводит понятие «экологический императив» (или коэволюционный), суть которого заключается в том, чтобы использовать и реализовывать только те технологии и способы деятельности человека, которые не разрушают сопряженности естественных биогеохимических циклов Земли [7]. Ученый акцентировал внимание на том, что данная система норм и правил не должна противоречить законам биосферы и установившимся в ней отношениям, она обязана их учитывать и способствовать их сохранению.

В рамках экологического императива одним из ключевых действий в организации гармоничного соразвития общества и природы становится научно обоснованное регулирование биологических видов (в том числе и человека) в пределах занимаемой ими экологической ниши; деятельности и поведения человечества в допустимых границах; отношений человека со всеми компонентами его социоприродного окружения; производств, ресурсных потоков, рождаемости, потребления, социальной защиты и т. д. Именно с осмыслением необходимости регулирования связана экологизация сознания человечества. Понимание его глубинного смысла является истоком для постижения новых ценностных ориентаций человечества, которые формируют новые мировоззренческие установки и новый характер потребностей личности, мотивирующих ее устремления к экологически обоснованной деятельности и поведению.

Экологический императив становится основанием для формирования новой социальной идеологии, новой социальной политики, нравственности и морали. Проблема природно-экологического переходит в социокультурную область [8, 9].

С учетом анализа эволюции научных течений «зеленой» экономики можно констатировать, что в период ее становления доминировал научный принцип эоцентризма, который предполагает необходимость сохранения биосферы как естественной основы жизни на Земле и базируется на признании равноценности

природного мира и цивилизации, необходимости их совместного развития (коэволюции).

Современный этап взаимодействия общества и природы характеризуется резким усилением противоречий между развивающимися производительными силами, их воздействием на состояние окружающей среды и способностью природы противостоять отрицательному воздействию производства. В этих условиях принципиальной особенностью современной научно-технической революции является ее ресурсосберегающий характер. В связи с этим на сегодняшний день основной концепцией современной эко-экономики является концепция устойчивого развития, ставшая логическим продолжением экологизации научных знаний и социально-экономического развития, начавшееся в 1970-гг. и которая характеризует новый этап развития «зеленой» экономики как науки – классический этап развития (профессионализация науки), характеризовавшийся тем, что «зеленая» экономика рассматривается как отдельное звено научных знаний с устоявшимся критериально-категориальным аппаратом и методологической основой.

Концепция устойчивого развития как социально-философское понятие была выдвинута в докладе «Пересмотр международного порядка», сделанном Римскому клубу группой ученых под руководством Я. Тинбергена в 1980 г. В этом докладе был сделан вывод о том, что экономическая система не может стабильно развиваться без учета интересов социальной и экологической систем. Позднее определение концепции устойчивого развития было сформулировано в докладе комиссии Брундтланд в 1987 году, как развитие, которое удовлетворяет современные нужды человечества, вместе с тем не разрушая возможности удовлетворять свои нужды для будущих поколений.

Эколого-экономический кризис содействует просмотру самого понятия развития. Скептики общепринятых показателей развития стран по объему ВВП

или других сугубо экономических показателей указывают на ограниченность такого подхода и несоответствие его потребностям человека. В противоположность был предложен ряд показателей, которые учитывают больше критериев, в частности экологический. Среди них Индекс постоянное экономического благосостояния (ISEW) (1989 г.) Клиффорда Кобба, Индекс человеческого развития (1990 г.), который использует Программа развития ООН, Индикатор истинного прогресса (GPI) (1990 г.), который предложили Герман Дейли и Клиффорд Кобб. Показатели учитывают реальный доход на душу населения, равенство распределения, качество жизни, стоимость неоплачиваемой работы, истощение природных ресурсов и нанесенный вред для окружающей среды. Предложенные критерии развития учеными предлагаются как один из необходимых шагов для выхода из эколого-экономического кризиса, поскольку способствуют изменению целей развития.

В настоящее время можно выделить несколько научных направлений «зеленой» экономики в рамках устойчивого развития экономики России:

формирование концепции устойчивого развития экономики России;

концепция эколого-экономической безопасности;

концепция регулирования и количественной оценки эколого-экономического развития.

Проблематикой устойчивого развития российской экономики занимались такие ученые как: А. Шелехова, С. Глазьев, Г. Фетисов, В. Коптюг, В. Матросов, В. Левашов, Ю. Демянко, С. Бобылев, В. Захаров, И.А. Писаренко, И. Золотарев и другие, рассматривавшие особенности эколого-экономической системы России и потенциальные возможности экономики к переходу и обеспечению устойчивого и сбалансированного развития страны.

Достаточно новым направлением считается безопасность эколого-экономической системы. Такие ученые как: В. Булетова, А. Пашкевич, Н. Бекето,

Н. Находкин, С. Павлова, А. Урсул, А. Романович и др. занимались научным поиском решения вопросов обеспечения баланса состояний, интересов экономических и экологических систем с целью выстраивания такой общемировой среды обитания «организмов», при которой не возникает риска нанесения ущерба жизненно важным интересам самых слабых объектов системы безопасности – природной среде и отдельно взятому человеку.

Научный приоритет к изучению концепций регулирования и подходов к оценке эколого-экономического развития стал основой исследования в работах таких ученых как: Н. Булгаков, Л. Елкин, Д. Маслов, Н. Тарасова, Р. Файзуллин и др. Основой таких исследований явилось попытка разработки необходимых мер для поддержания эколого-экономических систем и создания нормальных условий для их эффективного функционирования.

На сегодняшний день можно констатировать факт, что эко-экономика прошла достаточно длительный эволюционный путь своего становления как науки и на сегодня как область научного познания имеет сложившейся, присущей только ей терминологический аппарат и сформулированные научные теории имеющие потенциал развития в будущем.

Библиографический список

1. Баркова Э.В. Информационная экология в структурировании пространственно-временного континуума общества знаний // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 96-100.

2. Баркова Э.В. Экофилософия в поисках оснований теории природно-культурного наследия // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 4 (8). С. 3-8..

3. Бузская О.М. Современные социокультурные коммуникации: эколого-аксиологическое измерение. Диссертация ... кандидата философских наук :

09.00.13 / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, 2014.

4. Бузская О.М. Экологическая безопасность как критерий развития межкультурных коммуникаций // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. № 1-2 (11). С. 5-12.

5. Ивлева М.И. Бытие человека с точки зрения субстанциального подхода: экологический аспект // В сборнике: Человек в современных научных и философских концепциях мироздания сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука»; Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. 2016. С. 5-13.

6. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994.

7. Моисеев Н. Н. «Человек и ноосфера». М., 1990

8. Понизовкина И.Ф. Тема миссии России как путь к диалогу культур и цивилизаций // В сборнике: Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты Материалы Московского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева. Москва, 2015. С. 303-309.

9. Понизовкина И.Ф. Утрата смысла жизни как проблема современного общества // Вестник Российского философского общества. 2007. № 1.

10. Чернышева Е.Н. Перспективы междисциплинарного подхода в экономической науке // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 1 (5). С. 85-90.

11. Чернышева Е.Н. Проблемы содержания глобального образования // В сборнике: Человек в современных научных и философских концепциях мироздания сборник научных трудов по материалам I международной научно-

практической конференции. НОО «Профессиональная наука»; Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. 2016. С. 53-60.

УДК 111.1

Михайлова А.В. О виртуальности как форме бытия

About virtuality as a form of being

Михайлова Анастасия Викторовна
Аспирант Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики,
кафедры Философии и истории,
г. Новосибирск
mav_sci@list.ru

Mikhailova Anastasia Viktorovna
Postgraduate at Philosophy and History Department, Siberian State University of Telecommunications
and Information Science,
Novosibirsk

Аннотация. В статье рассматривается бытие в современных условиях технологического прогресса. Анализу подвергается содержание понятия бытия, его сущности, синтез с виртуальностью и отражение в языке, как естественном, так и искусственном. Автор рассматривает понятие бытия как структуру, которая обнаруживается повсеместно. Предложено вниманию отражение бытия в коммуникациях и тенденции современного взаимодействия. Рассмотрена негативная сторона взаимосвязи человека с виртуальностью, выделены категории реальности и виртуальности.

Ключевые слова: бытие, виртуальность, реальность, структура, коммуникации, тенденции современного языкового взаимодействия.

Abstract. The paper defines the contemporary concept of being in technological progress conditions. The matter of this concept, its essence, synthesis with virtuality and its reflection in the language has been analyzed. The author considers the concept as a structure which can be found everywhere. The reflection of this concept in communications and tendencies of modern interactions have been focused on. One proposed negative side of interrelation of the person with virtuality and

categories of reality and virtuality marked.

Key words: being, virtuality, reality, structure, communications, language's interaction of modern tendencies.

Наше существование неразрывно связано с понятием бытия. Мы есть сейчас, существуем, размышляя об отдалённом времени – будем и, вспоминая прошлое – были. Итак «быть» соотносится с каждым временным эпизодом, в общем взгляде на них и выступает понятие «бытие». Но также бытие можно считать применимым и к отдельным категориям. Бытие представляет собой и отношение людей к природе, и друг к другу, как в рациональном, так и в духовном плане. Человек существует в соотнесении с окружающим его миром и его осознанием. Мы живём здесь и сейчас, но мир много старше нас и будет продолжать своё существование после нашего. Интересна идея возможности разбора бытия на категории и поиск, одной из этих категорий в языке.

Предположим, человек в данный момент генерирует мысль, пишет, находится в окружающем его в текущий момент пространстве (например, едет на дачу в электричке) – это есть описываемая реальность. Через какое-то время, если это происходит на самом деле – это уже будет иллюзорностью, говоря понятиями Парменида, небытием. Бытие в рассмотренной ситуации можно считать целостным, беря за данность всё описанное, а можно рассмотреть как дискреты: пишет – что, как; думает – о чём, как проводит мысленную нить; окружающее пространство: что происходит вокруг – и с позиции природы, и со стороны социума. Всё есть отдельные структуры бытия, составляющие в своём множестве общую систему бытия «здесь и сейчас».

В настоящее время, образуясь из технического прогресса, весьма часто звучит сочетание «виртуальная реальность». Это созвучие означает не только миры, создаваемые программными моделями, но и отдельные компоненты идей,

воображаемое, идею, как принимаемую за определяемую теорию, так и оставленную без внимания. Это могут быть и складываемые образы по ходу чтения книги, и абсолютная мечтательность с представлением некоторой проекции будущего. Погружение в суть просматриваемого фильма, сопереживание героям, а также мысленное обращение к прошлому – также виртуальность. Виртуальности соответствует пребывание мысли во сне. Сны порой складываются, настолько логично и последовательно располагая одни события за другими, ясно и отчётливо прописывают сюжет, что просыпаясь, мы ещё долго находимся в их осмыслении. Человек, вспоминая приснившееся, пребывает в осознании физиологически сформулированной среды (посредством мозговой деятельности), разбирает элементы событий, которых в реальности с ним не происходило. Заново вспоминая сон и, возможно, предполагая, какие действия могли бы быть предпринятыми при том или ином поведении, человек формирует новые и новые модели – виртуальности. В это время реальное бытие существует своим чередом, и время продолжает длиться относительно того момента, когда засыпал видевший сон. Конечно, что-то изменилось за это время, но сущность бытия осталась той же. А во сне, возможно, было другое время года, иной возрастной диапазон спящего, отличное от реального местоположение происходящих событий. Это многообразие показывает многоуровневость виртуальности, её мысленную ширину распространённости. В докладе «Виртуальность как условие существования реальности», Наруллин Р.А. рассматривает работу Носова Н.А. «Виртуальная психология», которая говорит о возникновении реальностей из других реальностей, высказывает идею многоуровневости бытия. Автор выводит бесконечность составных одна из другой реальностей. Примером выдвигает понятие «клетка-организм» в организации живых систем, где отдельная клетка является отдельной единицей живой системы и составляет конкретный организм, будь это растение, животное или человек. Так у каждой клетки есть свой порядок

функционирования, взаимодействия с другими клетками, выполнение определённой задачи в целом для организма. Виртуальность не значит только иллюзорное, но и определяется как действительное. Это понятие характеризует как реальное так и ирреальное, связывает собой разделяемые нами значения.

Говоря о бесконечности систем можно рассмотреть взаимосвязи элементов Солнечной системы и органеллы клетки организма. Солнечная система отцентрировывается относительно звезды под именем Солнце, её элементы – планеты, находятся друг с другом и звездой в определенных отношениях. Так ключевую роль играет удалённость космических объектов. От расстояния зависит температура поверхностей планет, воздействие солнечной радиации, наличие или отсутствие оболочки, присутствие или отсутствие влаги, что в целом способствует или препятствует возможной жизни. У планет Солнечной системы существуют спутники, которые также находятся с планетами в определённых взаимосвязях, где ключевую роль играют магнитные поля, которые, в свою очередь, притягивают спутники к планетам, на которых вызываются определённые реакции в соответствии с физическими закономерностями. Так происходят наводнения и понижение уровня воды в мировом океане на Земле. Солнце является центром, главным энергетическим элементом описываемой системы. В свою очередь митохондрия в клетке организма является главной органеллой, обеспечивающей остальные энергией для общей жизнедеятельности. Другие органеллы находятся в сложных взаимосвязях. Немаловажную роль играет их взаимное расположение.

Возвращаясь к идее Носова Н.А. и связывая её с вышеописанным, стоит отметить, как из множества клеток состоят отдельные организмы, так и из околосвёздных систем формируется галактика, а из галактик состоит Вселенная. Таким образом, из отдельных, на первый взгляд, независимых систем, которые в принципе можно рассматривать самостоятельно, формируются более крупные, составляющие целостные формы. В этом можно проследить многосоставность

систем, ориентируясь на которую, логичной и естественной выглядит структурированность и уровней бытия. Даже рассматривая отдельно в предложенных примерах отношения звезда-планета, планета-спутник, расстояние, магнитные поля, температура, оболочка, жидкостная составляющая и другие, проводится аналогия разновидностей бытия, как отдельных систем. Когда Носов Н.А. упоминает о пространстве матрицы памяти, рассматривает бытие отдельного периода как самостоятельное, но вытекающее из других периодов – происходит выход на математические модели. Математический аппарат в данном случае используется для описания рассмотренных выше взаимосвязей искусственным языком абстракций для приведения к общему виду. Так отдельными матрицами можно задать определённые объекты, взаимодействия описать конкретными математическими действиями между заданными матрицами, где результирующая матрица покажет отношение между элементами. Таким образом, достигается возможное выявление необходимых (интересующих) взаимоотношений между рассматриваемыми частями. Имеет место некоторая алгоритмизация взаимодействия систем или систем взаимосвязи. Набор действий, реакций характеризует специфичную алгоритмизацию, необходимую для существования и функционирования систем. Она предполагает набор правил и ответных действий на то или иное условие, где каждое из возможных действий представляет собой соответствующий сегмент бытия.

В докладе «Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности» Хоружий С. обосновывает виртуальность как самописание взаимосвязей всего со всем, начиная с теоретической физики, которую он считает более наглядной. Получается, виртуальность Хоружий С. рассматривает как сам искусственный язык описания, так как он не является реальным, в отличие от описываемых им объектов, так и сами субъекты, дополнительно рассматривая и временную прямую. Таким образом, за виртуальность в данном случае выступает сам

алгоритм. Сам по себе человеческий язык является результатом деятельности людей, обобщением мыслей индивидов и нахождением компромиссов для понимания друг друга. «В языке объективируются результаты работы индивидуальных сознаний, и сокровенная мысль индивида, за которой стоит работа всей его психики... Она как бы перестаёт принадлежать к миру субъективного духа, приобретая объективное существование как независимое от психического мира отдельного индивида»[3]. Язык выступает как ещё одна форма бытия, как средство выражения мысли или форма её пребывания. Каждый язык несет в себе особую смысловую нагрузку, свой набор правил и слов, тогда каждый из них представляет собой особенное бытие. Искусственный язык также представляет собой итог коллективной работы людей в определённых целях и это уже другая интерпретация бытия.

Многочисленность подходов рассмотрения взаимодействий тех или иных объектов создает ещё большее количество уровней бытия исследуемых пространств. Так множество подходов к разнообразным сторонам рассматриваемых отношений элементов тех или иных систем дополняется множеством зависимостей относительного временного пространства. Тогда уже множественность взаимосвязей можно рассматривать относительно друг друга исходя из положений на временных участках, где пребывание в отдельной точке является отдельным бытием.

Хоружий С. подчёркивает неотличимость виртуальности от несуществования, ведь, в самом деле, понять своё местоположение в сложном множестве взаимосвязей достаточно проблематично: там, где находится описываемая сущность в секунду описания, меняет в неизвестное прежде местоположение единицу времени спустя, отделить временные рамки которых в моменты описания и возвращение к описанию, достаточно проблематично. Человек, задумываясь над своим поступком, который собирается осуществить,

мысленно прокручивает возможные варианты событий, в зависимости от действий, которые он планирует предпринять. Вероятностные события приобретают мысленные образы, порой даже весьма детализированные, таким образом возникает несколько виртуальных реальностей. Ведь они не происходят в этот момент на самом деле, а только образно генерируются в мысли.

Ярко представляет проблематику настоящего следующая цитата авторов: «Реалии современного мира наглядно показывают, как изменяется тип коммуникации от естественной, в основе которой лежало интуитивное стремление социума к организации, к искусственной, имеющей в основе рукотворные технические и другие средства, созданные человеком. Включение в состав коммуникации новых возможностей — таких, как задействование органов чувств, не используемых при естественной коммуникации, расширение функциональных возможностей коммуникаций, возникновение новых путей коммуникаций, с одной стороны, и часто ухудшение параметров по сравнению с естественной коммуникацией, с другой — все это существенным образом влияет на условия жизни, социализации и ориентации человека в современном обществе» [1]. Батов В. И., Муромцев В. В., Муромцева А. В. в докладе «Виртуальная коммуникация как феномен культуры» выделяют в своих идеях феноменальность виртуальной коммуникации. Авторы показывают переход к такому уровню описания взаимосвязей на искусственных языках, где создаются реальности, не являющиеся реальными на самом деле, т.е. о возникновении искусственных реальностей, создаваемых намеренно. В данном случае мысль одного, нескольких людей, с помощью специальных средств, становится возможной для представления другим персоналиям, и они видят её одинаково, хотя, конечно, по-разному воспринимают. Это прекрасно демонстрируют созданные элементы, объекты, даже миры, а ещё и куда более огромные системы – галактики, которых в сущности и нет вовсе. Речь идёт о компьютерных виртуальных моделях, играх, где первые являются

абстрактной копией существующих в реальности, а вторые – собственно созданные, не существующие в реальности на самом деле. Тогда многоуровневость бытия только продолжает увеличиваться, предполагая между собой и дополнительные взаимодействия – коммуникации. Сегментированность бытия в таком рассмотрении только продолжает увеличиваться. Работа также рассматривает проблему искусственной коммуникации, которая заменяет в наши дни естественную. Авторы выделяют понимание указанной проблемы Покровским Н.Е. о «замещении реальной жизни и материальных фактов, используя природную способность человека к воображению и уходу от материальных ограничений»[1].

Все рассмотренные работы отражают многогранную форму бытия. В отдельном рассмотрении они представляют собой конкретные описываемые области, а в целостном взгляде и дополняют друг друга. Технологии, существующие в современное время, на самом деле развились настолько, что придуманная реальность способствует человеческому воображению уйти так далеко, что порой грань между действительным и вымышленным стирается. Человек в таком случае забывает, что принятие пищи, к примеру, осуществлялось не им, а персонажем, в которого он играет в виртуальном мире. Тогда виртуальный персонаж продолжает «жить», а игрок наносит вред своему здоровью. Представляют опасность и обратные случаи потери контроля над реальностью, самоконтроля, когда в реальность входят элементы поведения персонажа из виртуальности. К этому относятся попытки «полетать на метле» и вера в «восстановление жизни» после нерациональных действий игрока с точки зрения истинной реальности.

Отмечая возможность создания виртуальной реальности кем-то с тем или иным замыслом, стоит обратить внимание на влияние, оказываемое на обращенных к ней индивидов, даже групп. Так виртуальность выходит на новый смысловой уровень, где становится самостоятельной формой бытия, одной из её

частей в общем смысле, через которую возможно воздействие и манипулирование отнесенными к ней индивидами, как в одиночном, так и массовом порядке. В наше время коммуникации обрели множество форм. В подавляющем большинстве общение происходит удалённо, это и мобильная связь, интернет, радио, факсимильная связь, телевидение, печатные издания. Относительно каждой области, в которой осуществляется коммуникация можно увидеть соответствующий сегмент бытия. Тенденции современных коммуникаций прослеживаются в отделении рассматриваемых областей, развитии более специализированных направлений. Взаимодействия в всеобщем диапазоне стремятся к сжатию, а разворачиваются узкие спецификации.

Сложность рассмотренных понятий, в самом деле, достаточно объёмна. Анализ показывает возможные виды коммуникационных языков как сегментов бытия. Бытие есть явление, без которого нет существования, а значит, каждый является включённым в общее текущее бытие и, безусловно, личностное. Виртуальность как бытие — только один из многочисленных дискретов его полной сущности, значимая роль в которой выделяется языку, как способу описания, так и проявления.

Библиографический список

1. Батов В. И., Муромцев В. В., Муромцева А. В. Виртуальная коммуникация как феномен культуры [Электронный ресурс] // Научный образовательный просветительский журнал Философские науки, 7/2008 – Москва, URL: http://www.rpri.ru/phil%20zurnal/FN_07-08_tipogr.pdf
2. Носов Н.А.. Виртуальная психология, – М.: Аграф, 2000. С.432 [Электронный ресурс] // URL: http://www.koob.ru/nosov/virtualnaya_psihologiya
3. Хоружий С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности [Электронный ресурс] // URL: http://synergia-isa.ru/lib/download/lib/017_Horuzhy_Rod_ili_nedorod.doc

Приходько А.В. Вопросы соотношения демографии, религии и просвещённого абсолютизма в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера

The questions of ratio of demography, religion and the enlightened monarch in «Encyclopedie» of Diderot and d`Alembert.

Приходько Артём Викторович
НГПУ им. К. Минина, г. Н. Новгород
r-tempri@mail.ru

Prikhodko Artem Victorovich
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Аннотация: целью статьи является анализ состояния науки демографии в XVIII веке. Методы исследования – описательный и сравнительный. Источники исследования – статьи «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, затрагивающие тему демографии. На основе их изучения установлено, что вопросы демографии в XVIII в. связываются с ключевыми идеями эпохи – идеями о просвещённом абсолютизме и требованием религиозной свободы.

Ключевые слова: демография, религия, «Энциклопедия», просвещённый абсолютизм, просветители.

Abstract: a purpose of the article is an analysis of condition of demography science in XVIII century. Methods of the research are descriptive and comparative. Sources of the research are articles of «Encyclopedie» of Diderot and d`Alembert which concerning the theme of the demography. On the basis of study, it was determined that questions of demography in XVIII century concern with a main ideas of that time – with an idea about enlightened absolutism and demand of the religious freedom.

Keywords: demography, religion, «Encyclopedie», enlightened absolutism, Enlighteners.

Демография как наука возникла в XIX веке. Само понятие «демография» возникло тогда же. Однако решающее формирование демографических знаний

происходило в XVII-XVIII веках. Свою роль в формировании демографии как науки внесла и известная «Энциклопедия» (т. 1-35, 1751-1780) Дидро и Даламбера. «Энциклопедия» была создана огромным штатом людей, в числе которых были как известные просветители того времени, так и простые рабочие, которые выполняли чертежи и гравюры для издания [1, 19]. Этим «Энциклопедия» отличалась от словарей и энциклопедий прошлого – в ней авторами выступили не один или два человека, а большой и разносторонний коллектив, члены которого были специалистами в своей области. Сам Дидро, идейный вдохновитель «Энциклопедии», не только написал более пятисот статей на различные темы, но и редактировал почти все статьи и внёс свои дополнения в тысячи из них. Это позволяет рассматривать «Энциклопедию» как цельное и законченное произведение, написанное глубоко эрудированным коллективом авторов, свободных в своих мнениях, но которые были воодушевлены общими идеями и имели определённую идейную программу. Программа эта, в общих словах, состояла в обосновании нового типа человека, общества, государства, мировоззрения и самой жизни. «Энциклопедия» включала в себя 35 томов, насчитывала 71818 статей и 3129 иллюстраций.

В рамках заявленной тематики следует обратиться непосредственно к темам «Энциклопедии», касающимся вопросов демографии, перед которой в XVIII в. ставятся новые цели и задачи. В это время вопросы демографии и рождаемости связываются с ключевыми идеями эпохи, например, с идеей просвещённого абсолютизма и требованием религиозной свободы. Вопросу о том, как все они соотносились между собой и посвящена данная работа. Ключевое значение для разрешения этого вопроса играет статья «Энциклопедии» под названием «Население», которая была напечатана в 1765 г. в XII томе. Её автор – Этьен Ноэль Дамилавиль (1721-1768) – чиновник налогового ведомства, анонимный автор многих статей «Энциклопедии».

Статья начинается со сравнения количества населения в древности и в новое время. Автор ошибочно считает, что размер населения во все эпохи был постоянным и таким же останется в будущих веках [4, 349]. Однако в древности, по его мнению, некоторые области и «просвещённые» страны были более заселены, а их народы были более многочисленны, чем теперь, в новое время [4, 348, 350]. Его интересует почему так произошло. Автор задаёт риторический вопрос – «не были ли законы и обычаи древних более благоприятны для размножения, чем наши?». По его мнению, нынешние мировые религии – мусульманство и христианство, пришедшие на смену язычеству, – определённо препятствуют размножению. Автор пишет: «христианство, в сущности, не заботит заселение земли, его истинной целью является заселение неба» [4, 350]. Христианская догма о бессмертии души внушает людям «неблагодарность к природе, ибо они полагают, что получают от неё лишь презренные вещи, к которым не нужно стремиться, сохранять их и передавать. Какую выгоду в сохранении и расширении общества могли усмотреть существа, проникнутые взглядами о том, что они в этом обществе пребывают временно, и рассматривающие этот мир как обширный караван-сарай, который им не терпится покинуть? Провидение сделает за них всё, а они не будут ни во что вмешиваться» [4, 351]. В древности же, по мнению автора, религиозные установления и обычаи больше способствовали рождаемости, чем в новое время: многочисленность персов, римлян и греков является для него доказательством. «Допуская разные культы, – пишет автор, – эти народы укрепляли себя. Когда в Риме все культы решили заменить одним [т.е. христианским], держава римлян была разрушена». По мнению автора, «религии древних не знали жесткости и нетерпимости. Они сохраняли, а не губили людей, поощряли их к продолжению рода, а не отвращали. У нас догматическая ярость и бешенное рвение заморских войн стубили миллионы людей» [4, 352]. Автор приводит примеры этого: непоправимый ущерб для

экономики Испании в связи с изгнанием морисков в 1609-1610 гг.; отмена Нантского эдикта во Франции в 1685 г. в результате которого множество гугенотов эмигрировало из страны, а сама страна осталась разорённой; массовое истребление испанскими конкистадорами коренных жителей Америки и даже завоевательные походы Карла Великого, которые, по мнению Дамилавиля, проводились из-за религиозного фанатизма [4, 352-353]. «Жажда привести всех людей к одному религиозному учению и принудить всех думать одинаково... является бичом, ужаса которого человечество не знало при язычестве», – заключает автор [4, 352].

Негативно на воспроизводство населения, кроме того, влияет монашество, воздерживающееся от долга природы.

Таким образом, по мнению Дамилавиля, религиозный фактор – важнейший фактор, непосредственно влияющий на демографию. Наличие религиозной свободы в государстве, по его мысли, способствовало бы увеличению рождаемости и избавило бы человечество в прошлом и будущем от многочисленных человеческих жертв религиозной нетерпимости. Эта мысль не случайна: требование религиозной свободы было повсеместной идеей в программе всего европейского Просвещения, т.к. практически все европейские страны в XVIII в. были лишены её. Многие просветители призывали к религиозной свободе и терпимости, считая для монарха унизительным поддерживать духовный деспотизм в государстве и вмешиваться в религиозные дела своих подданных. Иммануил Кант, например, в своей знаменитой работе под названием «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» писал о том, что государь «сам наносит ущерб своему величию, вмешиваясь в эти дела [т.е. в религиозные], когда он доверяет своему правительству надзор за сочинениями, в которых его подданные пытаются разобраться в своих взглядах, а также когда он делает это по собственному высочайшему усмотрению... и еще в большей степени тогда, когда

он свою высшую власть унижает настолько, что начинает поддерживать в своем государстве духовный деспотизм отдельных тиранов по отношению к остальным своим подданным» [3, 35].

Подводя итоги следует сделать некоторые выводы. По мнению Э.Н. Дамилавиля, автора статьи «Население», в древности отдельные просвещенные государства (но не вся Земля) были более плотно заселены, чем в современное время в первую очередь потому что не существовало мировых религий с их догматизмом и нетерпимостью, которые истребляют людей. Сама статья как будто адресована монархам, но не просто монархам, а просвещённым монархам или, как выражается сам автор, «королям-философам». Просвещенный государь должен заботиться об увеличении числа населения. Как этого достичь? Главнейшее условие, по мнению автора статьи «Население», это – свобода. Свобода как в физическом плане (правовое равенство людей), так и духовном, т.е. свобода совести, отсутствие религиозных гонений и нетерпимости. Эти утверждения автор статьи подкрепляет многочисленными примерами из истории. Данные примеры должны были, по-видимому, отвратить просвещенного монарха от нетерпимости и способствовать введению религиозной свободы.

Важное значение статья Дамилавиля имела и для формирования науки демографии. Автор высказал много важных соображений по этому поводу. Он, например, одним из первых обратил внимание на большую роль религиозного фактора в демографии. Некоторые исследователи считают, что на их связь указали лишь ученые XIX-XX вв.: М. Вебер, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Дж. Фрезер и Т. Парсонс. Представляется, однако, что рассуждения Дамилавиля опровергают эту точку зрения. Дамилавиль отмечает и отрицательное значение на демографию миграций, которые являются следствием религиозных преследований. На вопрос влияния религии на миграцию обращают внимание и современные исследователи [2]. Таким образом, «Энциклопедия» и статья Э.Н. Дамилавиля «Население», в

частности, внесли несомненный вклад в развитие демографической науки.

Библиографический список

1. Богуславский В.М. Великий труд, впервые обосновавший права человека // Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера. – М., 1994.

2. Бургарт, Л.А. К вопросу о роли конфессионального фактора в демографических процессах (на примере различных конфессиональных групп немецкого населения) / Л.А. Бургарт // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник научных трудов XI Международной научной конференции, Усть-Каменогорск, 28-29 мая, 2010 г. – Усть-Каменогорск, 2010. - С. 69 – 78.

3. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 8. М.: Чоро 1994.

4. Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера. – М., 1994.

УДК 101.1

Чернышева Е.Н. Категория «глобальный культурный код»

The category of “global cultural code”

Чернышева Елена Николаевна
Институт русского языка им. А.С.Пушкина, г. Москва
chernel0602@gmail.com

Chernysheva Elena Nikolaevna
Pushkin state Russian language institute, Moscow

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема определения категории «глобальный культурный код» и ее значение для построения теории глобальной культуры в социально-гуманитарных науках. Основное содержание исследования составляет анализ взаимосвязи понятий «культурный код», «национальный код» и «глобальный культурный код».

Abstract. The problem of the definition of the category "global cultural code" and its

importance for the construction of the theory of the global culture in social sciences and humanities are considered in this article. The main aim of the study is to analyze the relations between "cultural code", "national code" and the "global cultural code".

Ключевые слова: культурный код, национальный культурный код, глобальный культурный код, культура, глобальная культура, социально-гуманитарные науки.

Keywords: cultural code, national cultural code, the global cultural code, culture, the global culture, social and human sciences/

В современных социально-гуманитарных науках таких, как культурология, история, семиотика и т.д. активно используются понятия культурного кода и национального культурного кода. Эти категории используются как инструменты для анализа, прежде всего, национальных культур, то есть культур уникальных, особенных, самобытных. С одной стороны, с помощью этих понятий можно описать различия между носителями разных культурных кодов, но, с другой стороны, эти же понятия помогают выразить и то, общее, что есть у носителей одного культурного кода, продемонстрировать, что их объединяет. На рубеже XX - XXI веков в результате глобализационных процессов начала формироваться глобальная экономика [6] и глобальная финансовая система, заговорили о необходимости глобального права и глобальной этики, появился глобальный язык, начали ставиться вопросы глобального образования [9, 11]. То есть начала формироваться глобальная культура. И, как следствие этого, возник вопрос о том, что будет представлять из себя новый, не имеющий до сих пор никаких аналогов глобальный культурный код, возникла необходимость введения в научный оборот понятий аппарат социально-гуманитарных наук категории «глобальный культурный код» для того, чтобы иметь возможность и инструмент для понимания происходящих сегодня изменений в глобальном социуме.

В зависимости от того, как тот или иной исследователь дает ответ на вопрос «что такое культура?», в научной литературе сегодня можно встретить

множество разнообразных определений понятия «культурный код». Окончательный консенсус отсутствует и по первому понятию, и по второму. Однако особый интерес для разработки понятия «глобальный культурный код» представляет концепция культурных кодов как элементов пространства культуры, которая опирается на информационно-семиотическую теорию культуры. Основы этой концепции заложил А.С. Кармин, и она продолжает разрабатываться рядом отечественных исследователей. «Согласно этому подходу, культура понимается как: «...фактор, определяющий специфику человеческого образа жизни в отличие от природного образа жизни животных. Культура возникает благодаря тому, что разум человека дает ему возможность особыми, неизвестными природе способами добывать, накапливать, обрабатывать и использовать информацию. Эти способы связаны с созданием специальных знаковых средств, с помощью которых информация кодируется и транслируется в социуме... Таким образом, человек живет в созданной им самим информационной среде – в мире предметов и явлений, являющихся знаками, в которых закодирована разнообразная информация. Эта среда и есть культура» [5, с. 233-234]. Данный подход позволяет дать следующее определение понятию культурного кода. Культурный код – это информация, закодированная в определенной форме, позволяющая идентифицировать культуру. «Это совокупность информационных маркеров, позволяющих человеку адекватно воспринимать и реагировать на происходящие в культуре пространственно-временные процессы» [5, с. 236].

Если дополнить эти теоретические утверждения положением о том, что адекватность реагирования на те или иные процессы, изменения и т.д. в культурном пространстве заключается в умении выстраивать эффективную деятельность любого рода, где критерием эффективности служит соответствие результата деятельности намеченной цели [12], то можно сформулировать следующее определение глобального культурного кода. Глобальный культурный

код - это закодированная в определенной форме информация, позволяющая идентифицировать глобальную культуру, как совокупность информационных маркеров [2, 3, 4], позволяющих человеку адекватно реагировать на происходящие в глобальном мире, в глобальной культуре пространственно-временные процессы, сетевые процессы и эффективно взаимодействовать на глобальном уровне.

Исходя из этого определения, можно провести следующую границу между национальными культурными кодами и глобальными. Если первые дают возможность эффективно взаимодействовать и общаться в рамках национального культурного пространства, то вторые – кодируют информацию, обеспечивающую эффективность взаимодействия на глобальном уровне, в глобальном культурном пространстве. При этом надо отметить, что некоторые элементы национальных культурных кодов могут со временем стать неотъемлемыми элементами глобального культурного кода. В качестве примера можно привести английский язык. Язык является культурным кодом нации. Однако, как показывает многовековая история развития английского языка, один и тот же язык может стать культурным кодом для нескольких наций, а затем и вовсе превратиться во всемирный, глобальный язык [8]. Подобное может произойти и с невербальными элементами национальных культурных кодов. Судя по всему, пиццу уже сегодня можно считать элементом глобального культурного кода.

Таким образом, введение категории «глобальный культурный код» представляется необходимым для анализа глобальных видов деятельности, процесса формирования глобальной культуры [7, 10], которую можно рассматривать как систему глобальных культурных кодов. Понимание же механизма глобального кодирования и функционирования глобальной культуры неразрывно связано с решением уже сегодня насущных и актуальных проблем глобального воспитания и образования, формирования человека будущего, человека, способного к возвышению над современными наличными социальными

обстоятельствами, способного создать новую Культуру, рамках которой в обновленных категориальных формах возродится статус истины, добра и красоты [1, с. 52].

Библиографический список

1. Баркова Э.В. К определению человека XXI века: философия образования в поисках целеполагающих стратегий. // Журнал «Вестник МГПУ. Серия: Философские науки», № 1 (7), 2013. – С. 46-53.

2. Баркова Э.В. Информационная экология в структурировании пространственно-временного континуума общества знаний // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 96-100.

3. Бузская О.М. Гуманитарные технологии и их потенциал в развитии информационного общества // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 4 (8). С. 94-102.

4. Бузская О.М. Человек в пространстве социальных коммуникаций // В сборнике: Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии в образовании Под редакцией С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. Санкт-Петербург, 2013. С. 48-52.

5. Букина Н.В. К вопросу методологии исследования культурных кодов. // Журнал «Вестник Бурятского Государственного Университета», № 14, 2010. – С. 232-237.

6. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994

7. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // В сборнике: Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции.

Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Варгумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А.. 2016. С. 64-66.

8. Кристал Д. Английский язык как глобальный / Д. Кристал; пер. с англ. Н.В. Кузнецовой. - М.: Весь Мир, 2001. - 240 с.

9. Понизовкина И.Ф. Современный образовательный процесс: по пути ли будущему экономисту с философией // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 1. С. 35-43.

10. Понизовкина И.Ф. Сми и социальное мифотворчество в современном межкультурном информационном пространстве // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2016. № 1 (13). С. 54-62.

11. Чернышева Е.Н. Перспективы междисциплинарного подхода в экономической науке // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 1 (5). С. 85-90.

12. Чернышева Е.Н. Проблема рациональности социального поведения в современной западной философии: становление основных подходов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 2003

Секция 2. Философия современной культуры и социокультурное развитие

УДК 304.2

Баркова Э.В. Образ аватара в проекте экофилософии межкультурных коммуникаций

The image of the avatar in the Ecophilosophy project of intercultural
communication

Баркова Элеонора Владиленовна
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
г. Москва
barkova3000@yandex.ru

Barkova Eleonora Vladilenovna
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация. В контексте экофилософской парадигмы межкультурных коммуникаций проведен компаративистский анализ образа аватара в древнеиндийской философской традиции, с одной стороны, и его американской интерпретации в известном фильме, с другой. Обоснована востребованность возрождения классических интерпретаций категорий «органическая целостность», «истина», «гармония», «добро».

Ключевые слова: экология культуры, экофилософия, межкультурные коммуникации, аватар, органическая целостность, Культура Запада и Востока

Abstract. In the context of eco-philosophical paradigm of intercultural communications it is conducted the Comparative avatar image analysis in the ancient Indian philosophical tradition, on the one hand, and the US interpretation in the famous film, on the other. It substantiates the relevance of the revival of the classical interpretations of the categories "organic integrity", "truth", "harmony", "good".

Keywords: ecology of culture ecophilosophy, intercultural communication, avatar, organic integrity, Culture of East and West

В современной отечественной философии культуры статус таких категорий как «экология культуры», «экология человека», «вечное», «бесконечное», «гармония», «глубина культурного пространства», «целостность», понятая как всеобщность-тотальность; «истина», «добро», «красота» низок; а центрированное ими мировоззрение, оказывается социально не востребованным и периферийным. Поэтому представителями тех направлений в философии и культуры, которые выражают неклассические или авангардные традиции или тенденции мышления постмодернизма, они исследуются лишь в качестве характеристик реликтовых пластов историко-культурного процесса.

С другой стороны, стремительно и полилинейно изменяющийся образ современной культуры, все больше напоминающей множество одновременно звучащих гармоничных и дисгармоничных мелодий и голосов, не позволяет вне этих категорий проявиться общему смыслу ее целостности и обнаружить логику переходов и возможности встреч своего иного. Возможно ли с учетом этих тенденций вычлениить основания новой методологии, на основе которой «на высокой ноте» в перспективе будет создана - практически и теоретически – система экологии Культуры, состоится ансамбль-полилог культур, будут возможны Встречи локальных культурных миров, научно-гуманитарных сообществ в ситуации общественного раскола? Какой взгляд на мир еще может сохранить сегодня большое дыхание Культуры и органичность ее связей с Naturой?

Думается, одним из таких оснований может явиться гуманистически-содержательно обновленная экофилософия межкультурных коммуникаций, исследующая культурное пространство Запада и Востока как живую органическую целостность. [1]. Экофилософия как всеобщая форма культуры, направленная на восстановление статуса объективности связей человека и пространства-времени его бытия, сегодня все больше привлекает внимание исследователей всех континентов как форма оздоровления мира человека, его

Природы, Культуры и Космоса. [2]. В соответствии с логикой ее мироотношения и мировоззрения живая целостность-Вселенная рождается, развивая опыт классической науки и современной компаративистики, на основе связи вечного и временного, бесконечного и конечного в современном человеке и мире и представляет собой пространство его содержательных взаимосвязей и встреч. В соответствии с ее логикой, межкультурные коммуникации выступают не просто как «пространство потоков», как точно определил его М.Кастельс; не как один из типов пространства социальных коммуникаций, инноваций, проектов или инструмент деловых контактов, но как *новый тип планетарного бытия*. Восхождение к такой органичности культурного пространства-времени сопоставимо с осуществлением культурной революции, призванной противопоставить «шуму бытия» альтернативу глобализации и основу-условие самой возможности бытия и развития мира, сегодня предельно разбалансированного. Но главное – это утверждение бесконечной возможности развития человека как «исторического Адама», человека как Человека, а не нано- или пост-человека.

Однако при такой общей установке философия межкультурных коммуникаций – ее методология, теория и вытекающая культурная политика – соотносится с содержанием не только социальной целостности, но целостности Духа-Материи, и потому должна быть исследована на уровне онтологии. Только в этом случае она способна привести к реальным инновациям, а не их имитации в культуре, к смене содержательности общецивилизационной парадигмы в отличие от реформ в специализированных сферах и институтах.

В этой связи симптоматично обращение многих исследователей к ценностям индийской культуры, в которых сохраняется жизнь именно органической, а не технико-технологической целостности, и что существенно – на ее основе продолжают жить, имея нормативный статус, веками сохраняющиеся

традиции и идеалы. Более того, как показал опыт последних крупных международных философских конгрессов, в том числе Первого Азиатского Философского конгресса в Сеуле, востребованы не кросс-культурные взаимодействия вообще и не констатация роли интеграции региональных систем. «акцент был сделан на азиатских, и даже больше, на индийских, традициях и ценностях....90 процентов делегатов Конгресса были из Индии... получился не Азиатский, а Индийский Философский конгресс.. Организаторы замкнули азиатскую философию на национальных традициях Индии. Нагло, дерзко, смело и своевременно. А значит – в точку». [3, с. 93].

С этой точки зрения для развития нашего взгляда на философию межкультурных коммуникаций - такая работа начата автором [4] - важно понять, что нам предстоит преодолеть в своем европоцентристском мышлении упрощенный взгляд на индийскую культуру и вытекающий из него элемент снисходительности и высокомерия. Содержательный контекст понимания связи Россия – Индия сегодня пока останавливается на необходимости знания древнеиндийских традиций, сохранении памятников и произведений искусства, в науке -на развитии компаративистики как продуктивного философско-культурологического подхода. Мне кажется, что при этом упускается «маленькая деталь» - в основе интереса современной России и Запада к Востоку лежит наша потребность в возрождении органичности и целостности, наша потребность в преодолении чисто инструментальной философии межкультурных коммуникаций. Иначе говоря, это наша защитная реакция, востребованная в поиске ухода от упрощенных и вульгаризированных представлений о культуре. Здесь работает компенсаторная функция, на основе которой могут быть открыты новые горизонты пространства нашей жизни и преодолена «мусорная культура», которая, по наблюдению Н.О.Осиповой, сегодня является не просто одним из феноменов, но доминантой, обладающей онтологическим статусом в образе и модели

современной культуры. [7].

Но такой интерес к культуре Индии – и потому знакомая лишь немногим специалистам-востоковедам работа с ее категориями, где всегда сохраняются ориентиры вечности и бесконечности - не означает переход на позиции востокоцентризма. Напротив, в этом пространстве может родиться множество новых глубоких образов, идей, тенденций, на основе которых постепенно будет становиться интеграция на основе полилогов культур. Действительно, в настоящее время Восток и Запад все больше ощущают необходимость поиска новой экофилософской парадигмы, на основе которой возможно преодоление крайностей европоцентризма и востокоцентризма. Формирование мировидения на такой основе зависит от трактовки экофилософских универсалий и смыслов культуры.

Однако препятствием такому процессу установления межкультурных коммуникаций является индустрия западной и отечественной культуры, которая ориентирована почти исключительно на стандарты массового спроса, в которых предельно упрощается и вульгаризируется реальность, происходит искажение глубоких образов и идей индийской культуры, сохраняющих в своих традициях и формах мировоззрения органическую целостность. В этом отношении один из парадоксов нашей культуры заключается в том, что при видимой серьезности отношения к культуре, наличию элиты, системы управления культурой, институтов и научных культурологических школ, в ней все больше получает распространение тип мироотношения, характерный для простейших форм рынка и масскульта. Сложные, не поддающиеся простейшей арифметике и экономике процессы творчества, образования, науки начинают мыслиться инструментально-эмпирически, т.е. в качестве и в контексте «культурных услуг», в которых вычислены траектории массового поведения, жестко заданы горизонты понимания и оценки реальности и самих себя.

Показательным примером в этом отношении является «Аватар» - нашумевший фильм Джеймса Кэмерона, уже ставший новой религией. Термин «аватар» сегодня у всех на слуху, в отличие от известного лишь узким специалистам-востоковедам и религиоведам смысла аватара – мифологического образа и категории древнеиндийской философии. В мою задачу не входит искусствоведческий анализ, как мне кажется, этого совсем не худшего американского фильма. Вопрос в другом: что мы слышали и знаем об «Аватаре»? Что, прежде всего, отметили кинокритики и обозреватели? Что фильм, сделанный в формате 3D с использованием самых современных технологий кинопроизводства, невероятно дорогой, раскрученный, слышали о кассовых сборах, упреках СМИ режиссеру, недовольстве Ватикана. О его идее, содержании, художественных достоинствах почти не слышно.

А чего не слышали и не хотим знать? Того, что наша культура, в которой есть место *лишь* такому «Аватару», *лишь* категориям неклассической философии и культуры, но нет места потребности в экологии культуры с ее категориями классической мысли, «притягивает» аватара иного – грозного бога, устанавливающего справедливость на земле. Замечательный индийский философ С.Радхакришнан, анализируя смысл Бхагавадгиты, раскрыл богатство смыслов категории аватар, предполагающей воплощения и смысл «теории аватаров, которая открывает человечеству новые духовные горизонты. Аватары – это воинствующие боги, борющиеся против греха и зла». [8, с.464-465]. Но рождаются они всякий раз тогда, когда ослабевают справедливость и торжествует несправедливость, чтобы защитить добро, наказать грешников и установить закон. Согласно индуистской мифологии, когда силы зла и порока, Равана или Канса, преобладают, представители нравственного порядка Индра, Брахма и другие, вместе с Землей, о которой говорится, что она особенно страдает от зла, идут ко двору неба и громко призывают спасителя мира, - отмечает С.Радхакришнан.

Одновременно аватар в индуизме трактуется как нисхождение бога в человека, но не восхождение человека к богу. Человек может стать равным аватару, если он выходит за пределы майи мира и преодолевает свое несовершенство. Создатель, Пурешоттама неотделим от своих созданий. Он всегда проявляет себя в мире. Человек приходит к полному знанию, реализуя свои потенции, и тогда уже безразлично, скажем ли мы, что бог ограничивает себя в образе человека или что человек путем самосовершенствования восходит к богу. Вообще аватар – это бог, который сам себя ограничивает для достижения какой-либо земной цели и обладает даже в своей ограниченной форме всей полнотой знания.

Интересно, что борьба за святость на земле, стремление к раскрытию бога-идеала проходит «через ряд периодов эволюции на земле. Десять аватаров Вишну – основные ступени развития мира....последний аватар, которому еще предстоит прийти, - это воинствующий бог (Калки), с мечом в руке сражающийся со злом и несправедливостью. Появление аватаров знаменует собой великие кризисы в истории развития человечества» [8, с. 466].

Этот экофилософский и эколого-культурный смысл аватара не менее «Аватара» важен для понимания современной культуры и ее кризиса, последствий антропогенных загрязнений и их влияния на Землю. Главная идея индийского аватара – это борьба за святость, за человека, это жизнеутверждение всеми необходимыми средствами, возвращающими ему смыслы бытия в их подлинности.

В этой связи для формирования нового мировидения и его философии межкультурных коммуникаций особенно актуально наследие великого европейского философа Альберта Швейцера, разработавшего принцип экологической культуры – благоговения перед жизнью. Как известно, он исключительно высоко ценил глубину индийской мысли и отмечал свою внутреннюю связь с ее великими представителями, жившими как в древности, так и в новое время. Изучая индийские философско-религиозные традиции, он писал:

«С самого начала у меня появилось убеждение, что всякая философская мысль занимается огромной проблемой: как человек может к единичному духовному становлению присоединить бесконечное Бытие...чем ближе я узнавал свидетельства индийской мысли, тем сильнее зарождалось у меня сомнение по поводу той интерпретации индийской философии, которую можно узнать из трудов Артура Шопенгауэра, Пауля Дейссена и других... сводящаяся к тому, что будто всей индийской философией полностью владеет идея миро- и жизнеотрицания. Я не могу отказаться от собственного понимания индийской философии, я думаю, что в ней, начиная с первых этапов развития, всегда существовала также идея миро- и жизнеутверждения и что обе эти идеи одновременно сосуществуют и определяют своеобразие и развитие индийской философии. [9, с. 8-9].

Судьба современной культуры с ее богатствами и многообразием образов и категорий, с ее аватарами и «Аватарами», сегодня свидетельствует о ее хрупкости и силе. Вызовы-угрозы реальны, и одним из путей их преодоления является экофилософски отрефлексированное возрождение подлинности ее целей и высокого предназначения, что невозможно без преодоления вульгаризации и недопустимых упрощений в понимании индийской культуры. Восхождение к ее самым древним пластам и содержательности ее философских категорий, «строительство» культурного моста Россия-Индия сегодня оказывается условием и одним из оснований нашего общего восхождения к своей собственной духовной сущности и, более того, условием самосохранения человечества и Культуры.

Библиографический список

1. Баркова Э.В. Гуманитарный смысл антропного принципа в экофилософии // Человек в современных научных и философских концепциях мироздания: Сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука». 2016. С. 30-38.

2. Баркова Э.В. К исследованию мировоззренческих оснований экофилософии // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 1 (30). С. 180-186.

3. Силина Е.В. Диалог культур или азиатская философия в поисках идентичности // Вестник Российского Философского общества. 2010. № 1. С. 92-94

4. Баркова Э.В. Философия межкультурных коммуникаций в стратегиях развития современного мира // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2016. № 1 (13). С. 5-16.

5. Баркова Э.В. Философия межкультурных коммуникаций в проектировании образовательно-воспитательных систем: экофилософский анализ // Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания. Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием. 2015. С. 21-25.

6. Бузская О.М. Культурный мост "Россия-Ирландия" в современном мире // Человеческий капитал. 2014. № 10 (70). С. 46-49.

7. Осипова Н.О. Мусор как метафора современной культуры: от Авгиевых конюшен к медиальному спаму // Культура глобального информационного общества: противоречия развития. – М.: Изд-во Моск. гуманитарного ун-та. 2010. С. 395 – 409

8. Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 1. – М.: Миф, 1993. – 623 с.

9. Швейцер А. Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика – М.: Алетейя. 2002. – 288с.

10. Баркова Э.В. Космопланетарный смысл феномена надежды // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2010. № 1 – С. 12-20;

11. Бузская О.М. Модели проектирования современного социокультурного пространства // Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания. Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием. 2015. С. 26-29.

12. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчбасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А.. 2016. С. 64-66.

13. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994

14. Понизовкина И.Ф. Миф как феномен иллюзорного сознания. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1997

15. Понизовкина И.Ф. Утрата смысла жизни как проблема современного общества // Вестник Российского философского общества. 2007. № 1.

16. Чернышева Е.Н. Глобальный мир: особенности и проблемы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 4. С. 23-27.

17. Григорян А.Э. Проектирование коммуникативных оснований нравственно-ценностного пространства // Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием «Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания» -

УДК 378.1

Бузская О.М. Философия корпоративной культуры современного вуза: проблемы освоения и развития

The philosophy of Corporate Culture of the modern high school: problems of development

Бузская Ольга Маратовна
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
г. Москва
olga.buzskaya@yandex.ru

Buzskaya Olga Maratovna
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация. Обоснована востребованность развития философии корпоративной культуры, показаны ее основные структурные и функциональные элементы. На материале образовательного пространства РЭУ имени Г.В.Плеханова раскрыты технологии и процессы ее освоения студентами.

Ключевые слова: философия корпоративной культуры, субъект, образовательное пространство, деловые коммуникации, культура, Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова

Abstract. It substantiates the relevance of the corporate philosophy of culture, showing its basic structural and functional elements. On a material of educational space of Plekhanov Russian University of Economics the technology and the processes of its development by students are disclosed.

Keywords: philosophy of corporate culture, subject, educational space, business communications, culture, Russian University of Economics named after GV Plekhanov

В современных условиях активного развития российского образовательного

пространства формирование содержательно обновленной философии корпоративной культуры студентов является одной из приоритетных задач высшего учебного заведения. Безусловно, в процессе своего обучения студент получает фундаментальные и прикладные знания, умения и навыки в рамках выбранного им профиля. Однако сами по себе компетенции, даже сформированные на инновационно-продвинутом уровне, являются сегодня хотя и необходимыми, но недостаточными условиями для реального продвижения выпускника по лестнице карьеры. Дело в том, что профессиональные и деловые качества будущего сотрудника определяются не только его умениями в выбранной сфере деятельности, но также его личностными качествами и способностью мыслить себя в качестве органической части культуры организации и шире – мировой культуры в целом. [1] Формирование этой способности, которая происходит во время освоения ценностей высшей школы, и является целью философии корпоративной культуры высшего учебного заведения. Она - одна из ключевых для будущего сотрудника, ведь она определяет степень его социальной ответственности, уважения, осознания долга за результаты своей работы, детерминирует качество его деловых коммуникаций, в том числе с коллегами, руководителями, партнерами, клиентами и т.д., от чего напрямую будут зависеть не только профессиональные результаты данного специалиста, но также коммерческие, имджевые и репутационные успехи организации в целом. Корпоративная культура и способности к ее освоению не могут быть осмыслены и должным образом сформированы спонтанно, особенно если в процессе обучения в ВУЗе не было такого опыта. В этом проявляется одно из отличий между выпускниками высшей школы и выпускниками средних школ, не имевших опыта приобщения к философии и коммуникативным практикам современной корпоративной и профессиональной культуры.

Формирование не только общей и профессиональной культуры, но и ее

корпоративной составляющей, в силу сказанного, является одним из важных элементов обучения в Российском экономическом университете имени Г.В.Плеханова. Уже на первом курсе студенты имеют возможность изучить ее смысл, требования, основные принципы структуры и многообразие национальных моделей, например, в структуре дисциплины «Деловые коммуникации».

Предмет дисциплины состоит из трех основных блоков: профессиональная этика, модели и принципы современного делового этикета и, собственно, технологии и правила деловых коммуникаций. Благодаря такой триединой структуре, студент получает как основы фундаментальных этических знаний о деловых отношениях, так и прикладные умения, связанные с этикетными нормами, в том числе, при организации и проведении межкультурных коммуникаций, а также технологии эффективных коммуникаций при проведении деловых переговоров, презентаций и других форм делового общения. Особенность данного курса также заключается в том, что кроме базовых форм проведения занятий в виде лекций и семинаров, студентам предлагается участие в деловых играх, мозговых штурмах, дискуссиях, практикуются задания на развитие критического и творческого мышления. Кроме того, студенты выполняют исследовательскую работу, связанную с корпоративной культурой университета. Речь идет об исследовании корпоративного кодекса РЭУ им. Г.В. Плеханова, анализе соответствия реальной жизни университета ее ключевым принципам, а также формировании необходимых элементов для повышения качества студенческой культуры.

Так, в декабре 2015 года в рамках кластера гуманитарных дисциплин был проведён круглый стол на тему «Корпоративная культура и Кодекс РЭУ имени Г.В. Плеханова». Студенты-первокурсники сделали доклады с презентациями, охватывающие различные аспекты данной темы, в том числе историю корпоративной культуры университета, его миссию, интеллектуальные и

культурные традиции и стратегии развития РЭУ, направления развития лидерства у студентов, направления международного сотрудничества, вектор социальной ответственности в обучении, исследование принципов делового дресс-кода и др.

В рамках дисциплины «Деловые коммуникации» особое место уделяется собственно корпоративному кодексу университета. Корпоративный кодекс РЭУ является нормативным документом, устанавливающим обязательные правила взаимоотношений в коллективе РЭУ им. Г.В. Плеханова. Он разрабатывался на основе законодательства Российской Федерации, общепризнанных ценностей и норм, Устава РЭУ, внутренних правил и регламентов РЭУ.

Среди целевых установок Кодекса особо отметим следующие: укрепление и совершенствование корпоративной культуры Университета; повышение уровня мотивации профессорско-преподавательского состава, сотрудников и обучающихся; обеспечение сознательной поддержки стратегии и основных программ деятельности Университета, направленных на улучшение качества подготовки выпускников и повышения престижа вуза в российском и мировом образовательном пространстве.

Кодекс также раскрывает основные положения Миссии университета (лидерство в образовании всесторонне развитых профессионалов в области экономики; формирование и распространение практико-ориентированного экономического и коммерческого образования; воспитание просвещенных и компетентных личностей), корпоративные ценности (профессионализм, преемственность и верность традициям, добросовестный труд, креативность и инновационность, корпоративный патриотизм, ответственность), раскрывает принципы поведения обучающихся в Университете. Так, в процессе учебной и научной деятельности от студента предполагается ответственное отношение к ней, активное участие в научной работе, выполнение требований преподавателей. В личном поведении студент должен стремиться к развитию своих лучших качеств,

знанию исторических традиций Университета, уважительное относиться к преподавательскому составу и соблюдать деловой стиль одежды.

Важным условием развития корпоративной культуры Университета является профилактика частных конфликтов во внутрикорпоративных отношениях. Для этого в процессе коммуникаций приоритет отдается формированию установки партнерства, компромисса – т.е. субъект-субъектных коммуникаций. Итак, соблюдение студентами норм существующего кодекса РЭУ формирует позитивную корпоративную культуру Университета, позволяет эффективнее организовать межличностное деловое общение и является проявлением уважения к себе и к окружающим.

Навыки, усвоенные в рамках курса «Деловые коммуникации» студенты, в том числе студенты-первокурсники, имеют возможность закрепить в Дискуссионном клубе РЭУ. Там участники клуба получают знания теории и практики аргументации на основе принципов профессиональной этики. Кроме профессиональных навыков деловой речи, дискуссии, защиты своей позиции, презентации, активного слушания и др., которые формируются в процессе участия в деятельности данного клуба, его участники развивают и личностные качества: уверенность в себе, коммуникабельность, открытость новым тенденциям и трендам.

Таким образом, развитие философии корпоративной культуры является одной из генеральных линий деятельности университета в целом. А освоение ее категорий и основ в дисциплины «Деловые коммуникации» позволяет студентам не только получить основы философии, этики, этикета и технологий делового общения, но также успешно адаптироваться к философии корпоративной культуре университета и современной деловой среды, формируя на этой основе собственную профессиональную культуру.

Библиографический список

1. Баркова Э.В. Масштаб личностного развития в целевых установках проектирования экокультуры информационного общества // Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества Труды Международной научно-теоретической конференции. Ответственный за выпуск: О.Д. Шипунова. 2015. С. 5-8
2. Баркова Э.В. Философия диалога культур как форма надежды на сохранение мира // Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты. – М., 2015. - С.103-115
3. Баркова Э.В. Философия межкультурных коммуникаций в перспективе идеалов возрождения-XXI // Человеческий капитал. 2014. № 10 (70). С. 30-34.
4. Баркова Э.В. Информационная экология в структурировании пространственно-временного континуума общества знаний // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 96-100.
5. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // В сборнике: Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А. 2016. С. 64-66.
6. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994
7. Бузская О.М. Культурный мост «Россия-Ирландия» в современном мире // Человеческий капитал. 2014. № 10 (70). С. 46-49.

8. Бузская О.М. Гуманитарные технологии и их потенциал в развитии информационного общества // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 4 (8). - С. 94-102.

9. Бузская О.М. Модели проектирования современного социокультурного пространства // Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием. Москва, 2015. - С. 26-29.

10. Григорян А.Э. Функция конструирования в межкультурных коммуникациях // Вестник РЭУ имени Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. №1-2(11). С.124-130

11. Григорян А.Э. Проектирование коммуникативных оснований нравственно-ценностного пространства // Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием «Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания» - 2015. – М., С.37-39

12. Григорян А.Э. В поисках экоориентированных стратегий развития информационно-коммуникативного пространства // Вестник Орловского гос. университета. 2015. №1. - С.297-300

13. Понизовкина И.Ф. Современный образовательный процесс: по пути ли будущему экономисту с философией // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 1. С. 35-43.

14. Понизовкина И.Ф. Формирование социальной ответственности будущих предпринимателей как способ гармонизации социальных отношений // Современные ориентации общества и культуры: Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. – М., 2016. С. 8-

15. Чернышева Е.Н. Проблемы формирования глобального образовательного пространства //Социально-гуманитарные знания. 2014. № 8. С. 205-215.

16. Чернышева Е.Н. Проблемы содержания глобального образования // В сборнике: Человек в современных научных и философских концепциях мироздания сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука» ; Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. 2016. С. 53-60.

УДК 303.09

Григорян А.Э. Мыследеятельность как коммуникативный проект в концепции Г.П. Щедровицкого

Mental activity as a communicative project in the concept of G.Shchedrovitsky

Григорян Армине Эдуардовна
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
г. Москва
grigarm7@yandex.ru

Grigoryan Armine Eduardovna
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация. В статье раскрыты сущность проектирования как формы коммуникаций и основные положения концепции Г.П.Щедровицкого. Проектирование нового в ней связано с моделированием не только самого объекта, но и способами деятельности и формами мышления через систему действий с ним. Показан смысл его идеи коллективной мыследеятельности как формы организации социальной индустрии мышления.

Ключевые слова: коммуникативный проект, Г.П.Щедровицкий, мыследеятельность, индустрия мышления, деятельность, модель.

Abstract. The article reveals the essence of the design as a form of communication and the basic provisions of Shchedrovitsky concept. Designing new in it is connected with modeling not only the object itself, but also the ways and forms of thinking activity through a system of actions with him. It is showed his sense of the idea of collective thinking activity as a form of social organization in industry thinking.

Keywords: communicative project, G.P.Schedrovitsky, thinking activity, the industry thinking, activity, model.

В условиях роста неустойчивости общественной системы, неопределенности и сложности социально-экономической и культурной среды, возникает необходимость моделирования условий и факторов, способных гарантировать достижение поставленных целей, решение конкретных задач. Именно эти обстоятельства стали основной причиной развития социального проектирования, которое стало развиваться с середины прошлого века, хотя фактически оно возникло в СССР еще с 20-х годов прошлого века - как важная часть государственного социально-экономического планирования. Сегодня социальное проектирование – это важный аспект социального программирования, управления, разработок социальных технологий, моделирования социальных коммуникаций.

Согласно В.А.Лукову, социальное проектирование – это «конструирование индивидом, группой или организацией действия, направленного на достижение социально значимой цели и локализованного по месту, времени и ресурсам». [1, с. 6] Сущность проектирования – сконструировать желаемые состояния будущего. Получается, что социальное проектирование – это формирование цели вместе с условиями и средствами ее достижения. Отсюда – результат проектирования - социальный проект — представляет собой социальное нововведение, «целью которого является создание, модернизация или поддержание в изменившейся среде материальной или духовной ценности; оно имеет пространственно-временные и ресурсные границы и положительно воздействует на людей. [1, с. 6]

В.И.Курбатов и О.В.Курбатова рассматривают социальное проектирование, как «специфическую деятельность, результатом которой является научно-теоретически и практически обоснованное определение вариантов прогнозируемого и планового развития новых процессов и явлений». [2, с. 8] Учитывая, что социальные проекты рассматривают изменение взаимодействий людей, связь субъективных и объективных сторон общественной жизни, они подчеркивают сложность и противоречивость объектов социального проектирования, их многомерность и многофакторность, невозможность четкой формализации в этом процессе. [2, с. 8]

Но социальное проектирование – это не только изменение объекта. Это особое направление деятельности по согласованию стиля и направления мышления самих проектировщиков, их оценок проблемы, средств осуществления и др., которое часто осуществляется стихийно, методом простой взаимной адаптации, в которой преодолеваются ошибки и недопонимание. Но так как сегодня социальное проектирование осуществляется как самостоятельная конструктивная деятельность, она требует более внимательного анализа.

Развитие социального проектирования показывает здесь четкую тенденцию – движение от использования технических средств социальной инженерии и чисто системного подхода к включению особенностей бытия социума. Этот поворот связан с работами Г.Бэйтсона, который увидел неадекватность использования инженерных средств и методов описания проектируемой системы в области социального проектирования. Он опирался на исследования М. Мид, в сфере сравнения культур, которая сделала вывод о неадекватности использования здесь целей и средств и необходимости учета ценности самих действий культурных агентов. Г.Бэйтсон перенес эти требования на процесс социального проектирования, в котором нужно было отказываться от диктата целей, что вредило содержанию самого проекта.

В советский и постсоветский период проблемами проектирования в основном занимался Г.П. Щедровицкий и его единомышленники - С.В. Попов и О.И. Генисаретский, причем последний исследовал ценностные параметры социального проектирования. Отрицая правомерность в исследовании проектирования систем «человек-машина», Г.П. Щедровицкий предлагал объединить инженерную науку с гуманитарными и социальными науками, но указывал на такую проблему, как «неадекватность самих гуманитарных знаний», их слабую формализуемость. [3]

Для того, чтобы появилась возможность проектирования нового, по мнению Г.П. Щедровицкого, необходимо смоделировать не просто сам объект, но связать его с необходимыми способами наших действий, т.е. мыслить его через систему действий с ним. Только при условии, если мы сосредотачиваемся на существующей форме нашего знания об объекте, в рамках которой мы мыслим и действуем с ним, мы не будем видеть его в других координатах. [4]

Г.П. Щедровицкий также формулирует ряд условий успешности социального проектирования: это 1) совпадение сформулированных целей и задач реальным продуктам и последствиям действия; 2) точность воспроизведения объективной структуры той ситуации, в которой осуществляется действие; 3) степень совпадения направления деятельности и естественных изменений в объекте; 4) формулировка социотехнических критериев, выражающих совершенствование и развитие всех систем в общественной деятельности.

Таким образом, социальное проектирование должно постоянно согласовывать изменение объекта и формы деятельности. Для управленческой деятельности он выделяет три стороны ее осуществления: Организация, Руководство и Управление. Они соответствуют трем разным содержаниям: категорией структуры, категорией деятельности и категорией процесса (организовывать возможно деятельность, руководить людьми, а управлять

процессами). Управление работает с процессами, не используя прямое воздействие на материал и на структуры.

Г.П. Щедровицкий считал, что деятельность проектирования – деятельность над деятельностью (одна деятельность направлена на создание таких организованностей, которые потом реализуются в другой). Социальное проектирование, таким образом, - это деятельность, которая выражает интегральное регулирование самой общественной жизни, которая представляет собой разные формы деятельности. Это корректировка тех сложных объектов, которые существуют и изменяются в контексте совокупной общественной деятельности людей.

Существенной заслугой П.С.Щедровицкого является создание методологии социального проектирования как особого типа мышления. Он писал в 1981 г.: «Суть методологической работы не столько в познании, сколько в создании методик и проектов, она не только отражает, но также и в большей мере создает, творит заново, в том числе - через конструкцию и проект. И этим же определяется основная функция методологии: она обслуживает весь универсум человеческой деятельности прежде всего проектами и предписаниями. Но из этого следует также, что основные продукты методологической работы - конструкции, проекты, нормы, методические предписания и т.п. - не могут проверяться и никогда не проверяются на истинность. Они проверяются лишь на реализуемость. Здесь положение такое же, как в любом виде инженерии или архитектурного проектирования». [5]

Но создание новых методик и проектов – не индивидуальная, а коллективная задача и деятельность. Щедровицкий выдвинул идею коллективной мыследеятельности, т.е. идею организации социальной индустрии мышления. Своеобразной лабораторией этой коллективной мыследеятельности стал московский семинар, которым он руководил. Ещё одной глобальной идеей Г.П.

Щедровицкого была идея организационно-деятельностных игр как форма освоения коллективной мыследеятельности, которая могла стать основой формирования коллективной индустрии мышления.

Это был весьма ценный подход, который связывал социальное проектирование с формированием научного, творческого мышления работающих коллективов страны. Тем самым это проектирование – как коллективное производство обоснованного и определенного будущего, становилось той альтернативой административного планирования, которое преобладало в реальной жизни советского общества, хотя и было недостаточно обоснованным с точки зрения объективных тенденций существования и развития самого общества.

Сегодня социальное проектирование направлено на решение конкретных проблем, создание узко направленных и специализированных технологий и связей – педагогических, организационных, политических и др. Являясь сами по себе вполне рациональными, эти проекты не могут в принципе преодолеть стихийно-иррациональные изменения нашего общества, которое уже обнажило свою несбалансированность, критические «разломы» и высокий уровень риска.

Поэтому восстановление и освоение того высокого научно-методологического уровня социального проектирования, которое разработал Щедровицкий и его последователи, особенно выраженной в концепции коллективной мыследеятельности, сегодня является актуальным и перспективным направлением, как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Библиографический список

1. Луков В.А. Социальное проектирование: Учеб. пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Моск. гуманит.- социальн. академии: Флинта, 2003. - С. 6
2. Курбатов В.И., Курбатова О.В. Социальное проектирование: Учеб.

пособие. – Ростов н/Д.: Феникс, 2001. -416 с.

3. Щедровицкий Г.П.. Методология науки, логика, теория мышления // Философия. Наука. Методология. М., 1997

4. Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. М., 1995

5. Воспоминания М.А. Розова о Г.П. Щедровицком. Розов М.А., Рождённый мыслить, журнал «Вопросы философии», 2004 г., N 3, с. 140-142.

6. Григорян А.Э. Функция конструирования в межкультурных коммуникациях // Вестник РЭУ имени Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. №1-2(11). С.124-130

7. Григорян А.Э. Проектирование коммуникативных оснований нравственно-ценностного пространства // Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием «Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания» - 2015. – М.,С.37-39

8. Григорян А.Э. В поисках экоориентированных стратегий развития информационно-коммуникативного пространства // Вестник Орловского гос. университета. 2015. №1. - С.297-300

9. Баркова Э.В. Масштаб личностного развития в целевых установках проектирования экокультуры информационного общества // Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества Труды Международной научно-теоретической конференции. Ответственный за выпуск: О.Д. Шипунова. 2015. С. 5-8

10. Баркова Э.В. Философия межкультурных коммуникаций в перспективе идеалов Возрождения-XXI // Человеческий капитал. 2014. № 10 (70). С. 30-34.

11. Баркова Э.В. Информационная экология в структурировании пространственно-временного континуума общества знаний // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 96-100.

12. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016. С. 64-66.

13. Бузская О.М. Гуманитарные технологии и их потенциал в развитии информационного общества // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 4 (8). - С. 94-102.

14. Бузская О.М. Модели проектирования современного социокультурного пространства // Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием. Москва, 2015. - С. 26-29.

15. Понизовкина И.Ф. Формирование социальной ответственности будущих предпринимателей как способ гармонизации социальных отношений // Современные ориентации общества и культуры: Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. – М., 2016. С. 8-14

16. Чернышева Е.Н. Проблемы формирования глобального образовательного пространства // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 8. С. 205-215.

17. Кургаева О.Л. Обучение лексике иностранного языка студентов неязыковых ВУЗов // Международная научно-практическая конференция. Актуальные вопросы развития науки, 114 февраля 2014 года г. Уфа, С.16-21

18. Кургаева О.Л. Формирование социокультурной компетенции у студентов, изучающих иностранный язык // Агентство международных исследований. Международная научно-практическая конференция Новая наука: от идеи к результату, ч.2, 29 декабря 2015, Стерлитамак. С.240-244

УДК 303.04

**Иванеев С.В. Социально-философский смысл принципа
коэволюции образовательного и социокультурного
пространства**

Socio-philosophical sense of the principle of co-evolution of the educational and
socio-cultural space

Иванеев Сергей Васильевич
Университет «Синергия», Москва
sivaneev@mail.ru

Ivaneev Sergei Vasilievich
University «Sinergy», Moscow

Аннотация. Обоснована эвристическая и методологическая востребованность рефлексии принципа коэволюции образовательного и социокультурного пространства в аспекте социальной философии. На основе анализа ряда характерных для отечественной науки подходов показан социально-воспроизводственный ресурс образования и проблемы, открывающиеся при введении данного принципа в концептуальное поле современной науки.

Ключевые слова: коэволюция, философия образования, образование, общество, культура, субъект

Abstract. The author substantiates the heuristic and methodological reflection of the principle of co-evolution of the demand for educational and cultural space in the aspect of social philosophy. Based on the analysis of a number of specific approaches to national science he shows social and reproductive education and resource problems, open the introduction of this principle in the conceptual field of modern science.

Keywords: co-evolution, philosophy of education, education, society, culture, the subject

Связь образования и общества лежит в основе всех процессов социального воспроизводства как открытой саморазвивающейся системы, от содержания

которой зависят перспективы человека и конкретно-исторические формы раскрытия его деятельности. В силу этого одним из фундаментальных принципов методологии исследования философии образования становится принцип коэволюции образовательного и социокультурного пространства как специфических систем, взаимодействующих на основе диалектики. Коэволюция - понятие, достаточно широко используемое современной наукой для обозначения механизма взаимообусловленности и изменений связанных между собой элементов, составляющих развивающуюся целостную систему.

Хотя в современной науке феномен коэволюции нередко связывается исключительно с природной средой и ее соотношением с обществом (ноосфера В.И.Вернадского), однако, с нашей точки зрения, содержание этого принципа гораздо шире и более универсально. Коэволюция - это со-развитие различных и относительно автономных систем, которые существуют в пространстве более общей целостности. Они и порождаются этой целостностью, и «горизонтально» взаимодействуют с ней. Каждая из них, поэтому, обеспечивает другую своим функционированием, т.е. возникает именно взаимозависимость, которая также существует в рамках общего единства – целостности.

Коэволюционное исследование воспроизводственной основы, функций и направленности образования в качестве целостности опирается на принцип деятельности как субстанцию социального. Деятельность – это онтология социального, ее всеобщее и необходимое условие сохранения и развития. Но специфика деятельности не только в том, что социум существует как порождаемая ею реальность, но и в том, что эта реальность существует через время самой деятельности как субъективно-объективного процесса. Поэтому и все социальные формы, предметности, символы, тексты культуры и т.п., порождаемые этой деятельностью, существуют во времени, т.е. историчны. Но историчной является и сама деятельность с точки зрения способа ее организации, направленности и

смысла. Коэволюция в нашем подходе – это синхронизация времени в тех формах организации деятельности, которые существуют в социуме, культуре и в системе образования.

Однако субъектный статус системы образования делает такую синхронизацию проблематичной: если образование – это способ формирования будущего, которое входит в настоящее, но вместе с тем существует для последнего как некоторая цель или перспектива, то коэволюция приобретает смысл и проявляется как диалектический процесс, в котором коэволюционная основа – целостность социальной саморазвивающейся системы выступает мерой, определяющей и появление противоречий между образованием и обществом, и разрешение их, - как в изменении систем образования, так и в реформировании общества, заданном требованиями изменившегося образования как модуса будущего в настоящем времени общества.

В содержании данного опыта, кроме повседневных общественных отношений и процессов, содержатся компоненты и механизмы передачи поколениям некоторого социокультурного кода, который складывается из знаний, символов и знаков, схем деятельности, социальных и других норм. Трансляция этого кода осуществляется в постоянно обновляемых исторических условиях, а сам код обогащается все новыми знаниями и смыслами, сохраняя свое содержание также в виде традиций. Основа этого кода – программирование жизнедеятельности общества через нормы, тексты и символы культуры.

В.С.Степин отмечает: «Наряду с биологическим, генетическим кодом (ДНК, РНК), который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, регулирующие взаимодействие организма с внешней средой, у человека существует еще одна кодирующая система – социокод, посредством которого фиксируются программы социального поведения, общения и деятельности. [1, с.20]

Основанная на деятельности социального субъекта система образования существует как сложная структура разных функционирующих организаций, институтов, имеющих свою информацию, нормы, документацию, методы осуществления и т.д. В самом общем виде эта система существует как способ реализации социокода, что включает в себя преобразование данных науки, культуры, социальных норм, традиций, социальных коммуникаций, ценностей и др. в социальные качества субъектов общественной жизнедеятельности – компетенций, знаний, моральных норм, форм идентичности и др.

Задачей методологии анализа образования в социально-философском аспекте становится прояснение тех опосредований, которые регулируют взаимодействие социума, культуры и образования, обеспечивая их коэволюционные связи. Именно опосредования сегодня оказываются наиболее размытыми в философии образования: здесь речь идет о трактовках самого образования, его истоках и т.п., но все это не выходит на уровень целостности, представляющей единство различного. Необходимо раскрыть сложное взаимодействие диалектики и коэволюции, которое должно высветить роль указанных опосредований в синтезе и вместе с тем постоянном различии этих систем.

Так, Д.И. Фельдштейн, рассуждая об особенностях нашего социального времени и его переходном характере, подчеркивает, что сегодня на первый план вышла проблема Человека как реального субъекта исторического процесса, способного к устойчивости, активной действенности, к решению сложных нестандартных задач с огромным количеством неопределенностей, и одновременно способного к сохранению всех лучших человеческих качеств и потенциала. «А это определяет особую роль образования, призванного вооружать человека необходимыми знаниями в выборе путей действия в сложной ситуации ... во весь рост стала проблема образования человека в новом пространстве-

времени его существования... Сейчас перед нами во весь рост встает проблема структурирования как времени, так и пространства образования человека. Речь идет о степени и характере насыщенности времени, его целенаправленно структурируемых ритмах в пространстве (пространствах) функционирования человека». Проводимые ныне исследования, по мнению автора, не дают необходимой картины современного мира во всей его ширине и глубине, «где человек не просто живет сегодня в определенном времени-пространстве, а постепенно переходит в принципиально новое пространство-время, не имея ориентиров и необходимой научно обеспеченной подготовки». [1, с.3,7]

Здесь проблема формирования человека через исследование структурирования пространства и времени образования человека не связывается на основе коэволюции через более глубокий механизм взаимодействия образования и общества, в котором образовательные пространство и время получают свою социальную и культурную конкретизацию.

Сложную ткань современного воспитания как формы адаптации человека и к содержанию образования, и к требованиям, условиям общественной системы анализирует Н.Ф.Голованова, [2] выделяя такие направления педагогической деятельности, как формирующий подход, культурологический, синергетический, социализирующий, герменевтический, аксиологический, антропологический, психотерапевтический. Рассмотрим некоторые из них.

Так, формирующий подход, представителями которого являются И. З. Гликман, А. И. Кочетов, Б. Т. Лихачев, Г. М. Филонов) основан, по мысли Н.Ф.Головановой, на анализе взаимосвязи между педагогическим воздействием воспитателя и соответствующем «отклике» воспитанника (поведение и др.). «Для воспитателя в рамках формирующего подхода необычайную значимость имеет воспитательный идеал (выделено мной – С.И.), программа воспитания, традиционные формы воспитательной работы, стремление организовать четко

функционирующую воспитательную систему» - утверждает Н.Ф.Голованова». В этой логике воспитательная система является, прежде всего, нормативной, и проблема заключается в том, насколько нормативность соответствует реальной жизни общества.

Сторонники этого подхода определяют воспитание как «усвоение субъектом на познавательном, мотивационно-волевом и эмоциональном уровнях личности значимого смысла, гуманистических ценностей, обретаемых учащимися в данном воспитательном пространстве». [3, с.11] Однако возможно ли моделирование всего набора социально-культурных ценностей общества в школьно-лабораторных условиях воспитания?

Синергетический подход к воспитанию (В. А. Игнатова, С. В. Кульневич, Н. М. Таланчук, С. С. Шевелева) исходит из нелинейности существования общества и неопределенности будущего (даже ближайшего), нестабильности настоящего, информационного хаоса (избыточности информационных процессов). Воспитание в этих условиях – также ориентировано на неопределенность. Здесь усиливается акцент на формирование самостоятельности учащихся, так как формирование педагогической нормативности в условиях неопределенности затруднено. Ценный аспект этого подхода, кроме этого - признание возможности нескольких путей преобразования личности и выхода из критической, неустойчивой воспитательной ситуации скачком (инсайт, внезапное озарение). Но отказ от особой рациональности и инвариантности культуры, ее символики и ценностей как ориентиров, противостоящих хаосу и неопределенности, актуализирует проблему формирования гуманистической мотивации учеников.

Значительный интерес для перспектив формирования методологии выявления оптимальных связей образования и общества на основе коэволюции представляет социализирующий подход (В. Г. Бочарова, М. А. Галагузова, А. В. Мудрик, М. В. Шакурова, В. Р. Ясницкая), в котором воспитание раскрывается как

воздействие различных социальных источников на личность ученика. В противовес другим подходам, которые исходят из приоритета личности, здесь совершенно обоснованно видят источник образования и воспитания человека в его социальном измерении. Ключевым понятием в концепции социализирующего подхода является «социальное воспитание».

Методологические сложности этого подхода связаны с разночтениями феномена социального, которое понимается то как «гуща жизни», то как процесс социализации и приобретение личного опыта поведения и деятельности и др. Собственно, и в философии понятие «социального» еще не установилась однозначно, хотя большинство специалистов, как уже было отмечено, связывает его с деятельностью как основой бытия общества (В.С.Барулин, В.Г.Кузнецов, В.В.Миронов, К.Х.Момджян и др.).

Несмотря на различия в интерпретациях, в этом подходе воспитание понимается как процесс включения человека в систему отношений с институтами социализации, приобретение личного жизненного опыта. В этом процессе социального взаимодействия происходит «интериоризация, т.е. преобразование внутренних структур психики человека благодаря усвоению структур социальной деятельности, и экстериоризация, т.е. преобразование внутренних структур психики в определенное поведение (действия, высказывания и т. д.)» [4, с.166]. Тем не менее, в данном подходе важное место занимает выделенные направления сотрудничества образования и общества. Эти отношения в их системе образуют важный компонент исследования современного содержания взаимосвязей образования и общества.

Таким образом, современная методология философии образования, активно работая с принципом коэволюции, рефлексивует потребность в исследовании и содержательной конкретизации связей образования и общества, открывая тем самым новые проблемы в концептуальном поле их взаимной детерминации.

Библиографический список

1. Степин В.С. Философская антропология и философия науки – М.: Высшая школа, 1992. –190 с.
2. Голованова Н.Ф. «Подходы к воспитанию в современной отечественной педагогике» //Педагогика. №10, 2007. С. 38-47
3. Филонов Г.Н. Воспитательный процесс: методология и специфика исследования // Педагогика. 2000. № 9. – С. 11
4. Мудрик А.В. Воспитание // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 166.
5. Баркова Э.В. Масштаб личностного развития в целевых установках проектирования экокультуры информационного общества // Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества. Труды Международной научно-теоретической конференции. – СПб, 2015. С. 5-8.
6. Баркова Э.В. Космопланетарный смысл феномена надежды // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2010. № 1 – С. 12-20
7. Григорян А.Э. В поисках экоориентированных стратегий развития информационно-коммуникативного пространства // Вестник Орловского гос. университета. 2015. №1. - С.297-300
8. Бузская О.М. Гуманитарные технологии и их потенциал в развитии информационного общества // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013.№ 4 (8). С. 94-102.
9. Бузская О.М. Модели проектирования современного социокультурного пространства // Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания Материалы I Междисциплинарного

научного симпозиума с международным участием. М., 2015. С. 26-29

10. Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум культуры // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2003. – 47с.

11. Ивлева М.И., Костин П.А. Павел Иванович Новгородцев – первый директор московского коммерческого института // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2013. № 1 (55). С. 5-10.

12. Ивлева М.И. Бытие человека с точки зрения субстанциального подхода: экологический аспект // В сборнике: Человек в современных научных и философских концепциях мироздания сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука»; Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. 2016. С. 5-13.

13. Понизовкина И.Ф. Сми и социальное мифотворчество в современном межкультурном информационном пространстве // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2016. № 1 (13). С. 54-62.

14. Понизовкина И.Ф. Тема миссии России как путь к диалогу культур и цивилизаций // В сборнике: Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты Материалы Московского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева. Москва, 2015. С. 303-309.

15. Чернышева Е.Н. Проблемы формирования глобального образовательного пространства //Социально-гуманитарные знания. 2014. № 8. С. 205-215.

Кузнецова Ю.А. К исследованию проблемы бытия личности в контексте социальных коммуникаций

Studying the problem of a personality being in the context of social
communications

Кузнецова Юлия Андреевна
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
г. Москва
yulia_success@mail.ru

Kuznetsova Yulia Andreevna
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация. Статья раскрывает особенности формирования бытия личности в XX веке в концепциях А.Моля и А.Тоффлера. Автор подчеркивает важность преодоления сегодня отчуждения личности через коммуникации и процессы общения, а также необходимость проектирования гуманистического содержания в средствах социальных коммуникаций.

Ключевые слова: бытие личности, социальные коммуникации, диалог, социокультурная реальность, отчуждение, социальная практика.

Abstract. The article reveals the peculiarities of a personality being in the XX century in the concepts of A.Mol and A.Toffler. The author emphasizes the importance of overcoming the alienation of a person today through communication and communication processes, and the need to design humanistic content in the social communication media.

Keywords: personality being, social communication, dialogue, socio-cultural reality, alienation, social practice.

Проблема бытия и развития личности в информационном обществе сегодня является предметом активного обсуждения на разных уровнях – от публицистики до научных изданий, форумов, круглых столов. Необходимо признать, что контекст этих обсуждений, связанный в основном с анализом самой

информационной среды и ее часто деструктивными следствиями, оказывается недостаточным для выявления многомерности и масштабности этой проблемы.

Так, А.Моль, один из основоположников информационного подхода к обществу и культуре, писал о том, что в XX в. фактура «экрана знания», т.е. формы, через которую человек воспринимает реальность, все больше напоминает волокнистое образование, где знания складываются из отдельных разрозненных отрезков, связанных случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Такие фрагменты не образуют целостной картины мира, но они обладают силой сцепления, которая придает «экрану знаний» определенную плотность и компактность. В силу этого, культуру XX в. А. Моль называет мозаичной, потому что она представляется случайной, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, в ней нет точек отсчета. «Эта культура уже не является... продуктом университетского образования, то есть некоторой рациональной организацией; она есть итог ежедневно воздействующего на нас непрерывного, обильного и беспорядочного потока случайных сведений. Мы усваиваем ее через средства массовой коммуникации – печать, радио, телевидение, просматривая массу источников, от которых в памяти остаются лишь мимолетные впечатления и осколки знаний и идей. Мы остаемся на поверхности явлений, получая случайные впечатления от более или менее сильно действующих на нас факторов, но не прилагая ни силы критического суждения, ни умственных усилий» [1, с. 45].

Здесь верно подчеркнута мысль, что информационная среда, которая осваивается людьми не на основе причинно-следственных связей, или через связь любых философских категорий – «целое-часть», «внутреннее-внешнее», «сущность-явление», устанавливающих определенный порядок в процессах и отношениях внешней реальности, а через случайные ассоциации и сходства – оказывается в своей основе непонятной для личности и отчуждающей. Выявлен

также еще один важный момент: понимание людьми общественных процессов, порождаемых информационным обществом и различных социокультурных смыслов предполагает существование человека не в общественной среде «вообще», а именно в ее существенных связях и отношениях. Поэтому выпадение человека из таких связей, вытеснение его из бытия на уровень внешнего и случайного наблюдателя информационных и других процессов в обществе, с неизбежностью закрывает для него и реальный смысл всех этих процессов и отношений.

Однако А. Моль не обосновал, какие именно социальные условия стали основой его дистанцирования от необходимых системных отношений, включив его в виртуально-хаотическую иррациональную среду, все более активно снимая его субъектный статус и творчески-преобразующую роль в обществе.

Одновременно с А. Модем, в 60-е годы XX века А. Тоффлер открыл и исследовал негативное воздействие на человека и общество ускоряющегося потока времени. Реакция человека на этот поток времени является шоком, так как люди не успевают адаптироваться к новым условиям, не могут освоить свое настоящее, которое постоянно ускользает, сменяясь новыми факторами и условиями. А. Тоффлер отмечал: «Мы не просто расширили сферу деятельности и масштабы перемен, но радикально изменили их темпы. В свое время мы выпустили на свободу абсолютно новую социальную силу – неуклонно растущий поток перемен. Его влияние на темпы нашей повседневной жизни, чувство времени и способы восприятия окружающего мира имело революционное значение. Мы воспринимаем мир иначе, чем люди прошлого... Ускорение открывает непостоянство- быстротечность. Быстротечность проникает и пропитывает наше подсознание, радикальным образом меняя наши отношения с другими людьми, предметами, с целым миром идей, искусства и ценностей». [2, с. 16-17]

А. Тоффлер выделяет ускоренные темпы изменений как важный аспект информационного общества, порождающий отчуждение и дискомфорт личности, убедительно показывая, что само время в XX веке, как бы вырвавшееся из-под контроля, стало основой появления радикально новых явлений в области информации и информационных технологий, в технике, в изменении жизненной среды человека и характера его отношения к реальности. Опять-таки время оказывается фактором, который разрушает экзистенциально заданную матрицу бытия человека.

Опыт обобщения этих и других исследований, посвященных процессам дегуманизации личности в XX веке, которые происходили на основе новой роли информации, развития технологий, экспансии техники, опережающего роста искусственно создаваемого социального пространства, виртуализации реальности, открывает тенденцию «деисторизации» человека. Такая «деисторизация» представляет собой переход бытия личности и от координат культурно-исторического пространства-времени, в которых он всегда был социально определен, к координатам «здесь и теперь», выраженным в большей мере механическим временем, в котором реализуется не историческое творчество людей, а в первую очередь адаптация индивидов к среде, их умение вовремя реагировать на внезапные и резкие перемены в общественной системе. Сегодня внедрены такие средства расширения пространства личности, которые связаны с формированием его активности: Интернет, массовая культура с ее игровыми интерактивными технологиями. Происходит интенсивное информационное насыщение и развитие средств коммуникации, однако проблемы личности, возможности раскрытия ее потенциала в процессах общения, преодоление экзистенциального одиночества сохраняются и остаются нерешенными.

Становится ясно, что инструменты коммуникации и сами по себе технологии в принципе не могут преодолеть современный кризис личности, так

как сохраняется общая деструктивная социальная программа, или «код», запущенные еще на рубеже XIX-XX вв. Переход общества на планетарный уровень именно в этот период был связан с урбанизацией, демократизацией, значительным усилением и развитием международных экономических, политических и других связей, формированием массового общества. И здесь возникает момент, который не часто учитывается в исследованиях: в XX веке впервые в истории общество стало развиваться не на собственной социокультурной основе, а как средство реализации техногенного алгоритма: искусственного выращивания социокультурной среды на основе формирования стереотипов поведения и мышления, массовости, единства стиля жизни, культуры, этикета. Лишенные собственных социальных и культурных связей, новые горожане на этой основе сохраняли анонимность своего существования, но вместе с этим и требовали создания каких-то связей между собой, что было реализовано через развитие управления и организации, в первую очередь государством, на технологической, культурно-массовой основе. Городское сообщество стало основным потребителем новой индустрии развлечений, формирования массового сознания, которое могло реализоваться преимущественно в коммуникативной сфере: через развитие индустрии досуга, прессы, радио, кино, спорта.

Итак, социальная практика населения стала формироваться и реализовываться в пространстве коммуникаций, которое постоянно контролировалось, формируя разные виды целевой аудитории. Важным моментом здесь стала работа с информацией, которая приобрела ценностно-ориентирующий, социально-психологический, мировоззренческий смысл и контекст. Ведь именно развитие пространства диалога обеспечивает межкультурную и межэтническую идентичность, гражданское и общественное согласие, а в пределе – самосознание личности и общества.

Это означает, что преодоление отчуждения через коммуникации и процессы

общения требует гуманизации самих средств коммуникации: включение богатого литературного языка, искоренения тем насилия и жестокости в центральных СМИ, внесения в коммуникацию более высокого уровня культуры. Таким образом, становится очевидной актуальность проблемы бытия личности как носителя и проводника отношений, связей и коммуникаций в информационном обществе.

Библиографический список

1. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – С. 45.
2. Тоффлер А. Футурошок – СПб.: Изд-во «Лань», 1997. С. 16-17.
3. Кузнецова Ю.А. К исследованию понятий «коммуникация» и «общение»: аксиологический аспект // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 3-2 (69). С. 148-151.
4. Григорян А.Э. Коммуникация как механизм координации целей и ценностей субъектов // Вестник РЭУ имени Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2016. №1(3)
5. Григорян А.Э. Проектное сознание в процессах формирования социальных коммуникаций // Человек в современных научных и философских концепциях мироздания сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука» ; Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. 2016. С. 46-53.
6. Григорян А.Э. Функция конструирования в межкультурных коммуникациях // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. № 1-2 (11). С. 124-130.
7. Бузская О.М. Человек в пространстве социальных коммуникаций // Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии в образовании Под редакцией С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. Санкт-Петербург, 2013. С. 48-52.
8. Бузская О.М. Современные социокультурные коммуникации: эколого-

аксиологическое измерение: диссертация ... кандидата философских наук :
09.00.13 / Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации. Москва, 2014

9. Бузская О.М. Ценности и гуманитарные технологии в структурах
глобального проектирования будущего // Научные достижения сборник статей
международной научной конференции. 2016. С. 134-138.

УДК 173.7

Понизовкина И.Ф. Тенденции развития современного сообщества и перспективы семьи как социального института

Trends in the development of the modern human community and the prospects of
the family as a social institution

Понизовкина Ирина Федоровна,
ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Москва
irina-ponizovkin@mail.ru

Irina Ponizovkina,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы развития современной семьи как важнейшего социального института. Особое внимание уделяется социальным предпосылкам исторического развития семейных отношений и их современным тенденциям, связанным с особенностями нынешнего этапа в развитии человеческого сообщества.

Ключевые слова: Семья, социальный институт, ценности семьи, брак.

Abstract. The article examines the current problems of development of the modern family as an important social institution. Special attention is paid to the social preconditions of the historical development of family relationships and current trends related to the peculiarities of the current stage in the development of human community.

Keywords: Family, social institution, family values, marriage.

История развития института семьи со всей очевидностью показывает, что преобладающие особенности, формы и функции семьи зависят от конкретно-исторической ситуации и фиксируют господствующие ценности той или иной эпохи [1]. По развитию института семьи можно судить о развитии человечества.

С отделением человека от природы и самоотождествлением его со своим родом эпоха промискуитета уступила место сначала эндогамной кровнородственной семье, а затем экзогамной семье. В последней связи устанавливаются между представителями разных родов одного поколения, что способствовало рождению более здорового потомства и налаживанию новых социальных связей. С появлением и укреплением частной собственности возникла необходимость в моногамной семье, характеризующейся более тесными социальными и эмоциональными отношениями между мужчиной и женщиной, а также детьми. Со временем формирование собственного самосознания позволило увидеть в своем партнере личность, «инаковость», а не только сексуальный объект и «инструмент» продолжения рода [2, с. 121-127].

Расхожая фраза о семье как главной ячейке общества вовсе не является анахронизмом или лишь привлекательной метафорой. Уже первые теоретики семьи в лице стоиков представляли семью в этом ее естественном качестве. Последующие и современные исследования подтверждают этот тезис. Так, Э. Дюркгейм статистически показал, что одинокие, овдовевшие или разведенные люди чаще подвержены самоубийству, чем женатые. Женатые, не имеющие детей, — чаще готовы расстаться с жизнью, чем имеющие детей. Процент самоубийств тем меньше, чем сплоченнее семья [5, с.78-82]. Современная статистика [<http://izvestia.ru/news/290670>] подтверждает эти данные и показывает, что семейные люди живут дольше.

Для каждого времени характерен свой тип семьи и семейных отношений, соответствующий тенденциям развития общества. В семье, как в капле воды,

отражаются многообразные общественные отношения (экономические, аксиологические, социальные, психологические и т.д.) и разнообразные общественные проблемы [4, с. 26-29]. Можно сказать, что, определив систему семейных отношений, нетрудно понять и само общество. Хотя можно сказать и наоборот: определив суть и характер общества, можно с определенной уверенностью судить о характере семейных отношений. Это свидетельствует о корреляции этих социальных феноменов, а также о возможности решать многие социальные проблемы с помощью целенаправленной семейной политики.

Институт семьи включает в себя: во-первых, совокупность соответствующих ценностных ориентаций (любовь, семейный уклад, отношение к детям, представление о семейных правах и ответственности и др.); во-вторых, социальные процедуры (семейные правила и традиции, воспитание и забота о детях, семейные обязанности); в-третьих, переплетение статусов и ролей, их взаимодействие. Традиционное триединство отношений семьи – это супружество, родительство, родство. Именно эти структурные элементы и их вариативность являются показателями состояния семьи как социального института.

Последние десятилетия часто можно слышать о разложении института семьи, о неактуальности семейных отношений. Так ли это? И какие особенности социальной жизни определяют современное состояние семейных отношений? Для исследователя З.Баумана сегодняшний мир представляется неустойчиво-фрагментарной «текучей современностью», когда «сама почва движется» (по выражению Ф. Эмери). Э.Гидденс видит действительность постоянно «ускользающей» и вызывающей чувства непредсказуемости, а П. Вейлл сравнивает её с постоянно бурлящей водой, когда возникает ощущение постоянного беспорядка [11, с. 23-27; 9, с. 48-58.].

Общество эпохи постмодернизма с его эклектизмом, восприятием мира как неопределенности; установкой на потребительство значительно влияет на

изменение ценностных установок в обществе [8, с.27-28]. Это выразилось в признании относительности любых (даже веками устоявшихся) ценностей. Подверглась сомнению сама «вечная ценность» семьи. Другие привычные ценности семейных отношений – любовь, верность, жертвенность, воплощение в детях – были пересмотрены в контексте новых веяний и парадигм общественного сознания [10, с. 212-220].

На смену универсальным принципам модерна, выстраивающим четкую иерархическую вертикаль семейных отношений и ценностей, устойчивую модель брака, приходит разнообразие новых акцентов и ожиданий. В обществе получают распространение альтернативные формы брака, которые не получили официального признания государства, но являются допустимыми для общественного мнения. Всё меньше становится желающих вступить в официальный брак, особенно среди молодежи 18-24 лет [<http://izvestia.ru/news/290670>].

Большинство молодых людей сегодня практикует пробный брак, т.е. временное совместное проживание, когда партнеры еще не так долго знакомы и не уверены в стабильности и прочности отношений. Такой брак в дальнейшем либо распадается, либо переходит в законный. Такая форма отношений, которую М. Мид называла «двухшаговым браком», является выражением прагматического подхода и позволяет сэкономить время ухаживания, эмпирическим путем установить совместимость партнеров.

Другой распространенной формой семейных отношений является так называемый «гражданский брак», в котором супруги проживают совместно, ведут общее (или частично общее) хозяйство, часто имеют детей, но официально свои отношения не регистрируют, тем самым подчеркивая относительную свободу сосуществования («никто никому ничего не должен»). Однако перепись населения в России показала, что степень этой свободы каждый из супругов понимает по-

своему: замужних женщин (считающих себя таковыми) по переписи оказалось больше, чем женатых мужчин. Сегодняшняя статистика свидетельствует об углублении этого несоответствия в восприятии партнеров своего положения. Недавняя статистика в России показала, что 85% мужчин, проживающих в гражданском браке, считают себя холостыми, а из женщин только 8% считают себя свободными и незамужними [<http://helprazvod.ru/okolorazvoda/statistika-brakov-i-izmen.html#ixzz46erwA4Ee>].

Такой брак создает немало скрытых проблем во взаимоотношениях, распределении обязанностей и бюджета, понимании семейных ценностей и не является стабильным. Особенно много вопросов возникает после распада такого брака при наличии общих детей по вопросу их дальнейшего содержания, а также имущественным вопросам. Наличие детей – самый «больной» вопрос для функционирования данного вида неформального брака. Более половины опрошенных россиян (57 процентов) не подвергают сомнению, что для ребенка плохо, когда его родители не регистрируют брак. Они аргументируют свое мнение, прежде всего, статусной неполноценностью незарегистрированных отношений. По их мнению, эта неполноценность отражается на детях, которые оказываются формально "незаконными". Кроме того, некоторые считают, что положение обязывает и официальный брак повышает ответственность родителей за воспитание ребенка. Но только 31 процент опрошенных высказали прямое осуждение пар, которые обзаводятся детьми, не регистрируя свой брак официально, тогда как 55 процентов опрошенных отнеслись к ним нейтрально, а 11 процентов заявили, что одобряют такие пары [rg.ru/2008/07/30/brak.html].

«Гостевой брак» или годвин-брак, когда супруги проживают отдельно, не ведя общего хозяйства, соответствует сегодняшнему бешеному ритму жизни, в котором никто не хочет брать на себя дополнительную ответственность и заботу о другом. Впервые такая форма моногамного брака была описана еще в XVIII в. У.

Годвином. Но сегодня получила большую популярность.

Конкубинат — это устойчивая связь женатого мужчины и незамужней женщины, имеющей от него признаваемых им детей и материальную поддержку. При этом женщина субъективно не ощущает себя ущемленной или униженной и не испытывает угрызений совести по отношению к официальной семье партнера. Мужчина подчас считает приемлемым не скрывать такие отношения от законной семьи и общественности. Так сделал в свое время актер В. Золотухин.

Определенное признание получает сегодня такая форма, как открытый брак, в котором каждый из супругов признает право партнера на независимый образ жизни, в том числе внебрачный секс. Каждый из супругов в этом случае имеет довольно широкое личное пространство, не всегда доступное для другого супруга. Такая поверхностность и легкость отношений создает видимость защиты собственных прав и индивидуальности и не подразумевает подлинной эмоционально-духовной близости между супругами.

Существуют и другие формы семьи, в той или иной степени альтернативные традиционным: неполные семьи при отсутствии одного из родителей, при этом все чаще женщины идут осознанно на создание такой семьи; семья на основе брачного договора; гомогамные или однополые браки (официально разрешены далеко не во всех странах); семья-«команда», основой которой изначально выступает не любовь, а общие интересы; венчанный (религиозный) брак; межвозрастные браки, когда существует большая разница в возрасте супругов; семья «free child», сознательно отказывающаяся от продолжения рода и т.п.

Разнообразие «облегченных» форм семейных отношений чаще всего свидетельствует о нежелании партнеров ограничивать себя определенными рамками отношений, последовательно выстраивать семейную иерархию и нести ответственность за формирование отношений в семье, о стремлении избежать

противоречий, а подчас о снижении уровня нравственных норм и, в конечном счете, отходе семьи как базовой ценности на второй план [7].

Ориентация современного общества потребления на установку «иметь», а не «быть», проанализированная еще Э.Фроммом, заставляет многих видеть в семье лишь дополнительный источник удовольствия и удовлетворения первичных потребностей (установка «пожить для себя»). Эту установку индивидуализма в постсоветский период активно проводил в российских СМИ целый штат неизвестно откуда взявшихся психологов и социологов, призывавших в семье любить прежде всего себя и при малейшем поприании своих интересов безболезненно расставаться с партнером. Не удивительно, что Россия к 2012 году вышла в лидеры (к счастью, ненадолго) по числу разводов. Если десять лет тому назад в России разводилась каждая третья супружеская пара, то сегодня — каждая вторая.

Продвижение по пути развития демократии и личных свобод индивида делают карьерные устремления и профессиональную самореализацию предпочтительными перед брачными обязательствами и семейными ценностями. Рождение детей часто воспринимается как крах карьеры, их воспитание как обуза и помеха продвижению в профессиональной сфере. Рождаемость в европейской цивилизации падает. В Японии такие тенденции привели к серьезному кризису традиционной семьи.

Катализатором этих процессов на Западе и в России выступают феминизм, экономическая независимость женщины и реальный выход её из-под опеки мужа. Растущее вовлечение женщин в трудовую деятельность (на Западе и в России превышает 50-60%), которая воспринимается как главное средство самореализации и финансовой обеспеченности, влечет за собой изменение ролей супругов в организации быта и воспитании детей. Всё чаще в таких семьях воспитание детей почти с рождения доверяют по сути чужим людям — няням,

гувернерам, круглосуточным садикам, интернатам и т.п. Это ведет к потере органической связи между родителями и детьми.

Институт бабушек и дедушек также испытывает кризисные явления. Ведь пожилые люди сегодня ведут активный образ жизни, часто работают, имеют разнообразные интересы и замыслы помимо семьи, поэтому с внуками встречаются нечасто и не оказывают родителям такой действенной помощи в воспитании детей, как это было прежде. Внуки всё чаще воспринимают родителей и даже бабушек-дедушек как друзей, называют их по имени и строят независимые отношения на равных. Это способствует демократизации в семье, но не делает отношения членов семьи более близкими, понятными и прочными.

Необходимо отметить, что государство подчас поощряет вышеозначенную тенденцию, недооценивая хозяйственно-бытовую функцию семьи и роль домохозяйств, не создающих ценную для экономики товарную продукцию. После Октябрьской революции 1917 года стране нужны были работники, поэтому необходимо было в определенной мере разрушить молекулу (семью), чтобы высвободить и использовать рабочие атомы (индивидов). О том же самом говорит исследователь профессор МГИМО В.Ю. Катасонов, но уже применительно к современной политике монетаризма.

Господствующие в современном обществе идеи прагматизма и утилитаризма ведут к пересмотру традиционных семейных ценностей (любовь, духовная близость, взаимное доверие, жертвенность, бескорыстная взаимопомощь) и их роли в браке. На первый план выходят такие ценности, как результат, общие цели, интересы, равенство, успех, свобода. На этих ценностях строится семья-команда, в которой взаимное уважение становится заменой любви, а отношения часто формируются на основе брачного договора. Однако такая семья также подвержена катаклизмам, связанным с возникновением духа соперничества, конкуренции внутри семьи.

Общая тенденция к снижению уровня нравственности расшатывает традиционные устои семьи-крепости, из которой исчезают атмосфера доверия и духовной близости, воспитание детей методом личного положительного примера. Забвение моральных норм проявляется в физическом насилии по отношению к членам семьи, фактах неверности и взаимного обмана, бытовом пьянстве, сексуальных домогательствах по отношению к детям (часто неродным), привычном сквернословии и т.п. Ведущие журналисты часто делают такие семьи объектом своих телевизионных передач, скандальных статей, выставляя напоказ и подчас на потеху самые грязные стороны семейных взаимоотношений. Однако неумение или нежелание серьезно подойти к анализу таких ситуаций и расстановке акцентов приводят к обратному эффекту восприятия таких передач как развлекательного шоу, а не повода задуматься. Огромный поток таких «желтых» сюжетов на ТВ делает их привычными, а, следовательно, задающими низкую этическую планку внутрисемейных отношений [4, с. 26-29; 6, с. 64-66.]. СМИ необходимо больше уделять внимания положительным примерам долгих счастливых браков, добровольного самопожертвования близких, воспитания в многодетных семьях и т.п. Именно такие отношения должны становиться эталоном семьи для молодого поколения.

Таким образом, современный институт семьи подвержен, как и многие сферы общественной жизни, кризисным явлениям и пересмотру системы ценностей, но надежду вселяет факт, что более 70% опрошенных россиян высказались в пользу официальной традиционной семьи [<http://izvestia.ru/news/290670>]. Семья по-прежнему выполняет важные общественно значимые функции по отношению к социуму и индивиду, но иерархия этих функций меняется в соответствии с потребностями общества. Однако, думается, что подлинной крепостью в современных условиях семья станет с обретением и сохранением духовных семейных ценностей и традиций.

Библиографический список

1. Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум культуры. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2003
2. Баркова Э.В. Творческая природа человека как проблема реконструктивной философской антропологии // Общество и человек. 2014. № 2 (8). С. 121-127.
3. Бузская О.М. Гуманитарные технологии и их потенциал в развитии информационного общества // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 4 (8). С. 94-102.
4. Бузская О.М. Модели проектирования современного социокультурного пространства.// В сборнике: Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием . 2015. С. 26-29
5. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд — М., 1994.
6. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // В сборнике: Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А.. 2016. С. 64-66.
7. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва,

1994

8. Понизовкина И.Ф. «Блажен, кто выбрал цель и путь...»: мифы и реалии обретения утраченного смысла жизни// Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2012. № 7. С. 25-31.

9. Понизовкина И.Ф. Влияние общества postmodernity на философско-гуманитарное образование // В сборнике: Роль философии в пространстве информационного общества сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Редакторы Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. 2016. С. 48-58.

10. Чернышева Е.Н. О роли и значении консервативных идей в обществе// В сборнике: Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия - Запад - Восток Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения». ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина». 2015. С. 212-220.

11. Чернышева Е.Н. Глобальный мир: особенности и проблемы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 4. С. 23-27.

УДК: 1, 31, 36, 7

Предовская М.М. Проблема мужественности в современной гендерной идентичности.

The problem of masculinity in contemporary gender identity

Предовская Мария Михайловна
Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им.
П.Ф.Лесгафта, Санкт-Петербург
schuldichs@gmail.com

Predovskaya Mariya Mikhailovna

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема мужественности, как значимого элемента мужской гендерной идентичности. Выявляются и описываются характерные особенности гендерной идентичности как части культурной идентичности. Обосновывается идея о том, что спорт представляет область, в которой в значительной степени сохранена четкая взаимная зависимость гендера и пола, и благодаря чему он может стать одним из базовых пространств для реабилитации половой определенности и мужественности.

Ключевые слова: мужественность, пол, гендер, спорт, идентичность, культурная идентичность

Abstract. This article is about masculinity as a significant factor of male gender identity. The article touches upon the issue of gender identity as a part of cultural identity. It is stressed, that sport is the field where the interdependence of gender and sex is retained distinctly. That is the reason for the fact that sport can become one of the basic fields for the rehabilitation of sexual certainty and masculinity. The rationale for this statement is provided in the article.

Keywords: masculinity, gender, sex, sports, identity, cultural identity

Мужественность как основной признак мускулинного гендера издревле формировалась на основе высокой значимости активности, физической силы, выносливости и умения переносить тяготы, что противопоставлялось качествам феминного гендера: пассивности, слабости и потребности в защите. Однако, мужчины, потерявшие в современном мире безусловный доминирующий статус, вынуждены конкурировать не только между собой, но и с женщинами, и остро нуждаются в том, чтобы их место в социуме поддерживалось мужественностью как позитивным, повышающим личный социально-психологический статус компонентом.

Сложности, которые испытывает современный мужчина, во многих случаях связаны с отсутствием позитивной, не ущемленной оценкой своего социально-психологического статуса, которая уже не существует как данность, а нуждается в

постоянной заботе и укреплении. То есть возникает необходимость создания значительных по числу сфер самоутверждения, позволяющих мужчине обрести самоуважение, и привязанных не столько к социальной, сколько именно к гендерной роли, которая еще совсем недавно возникала и поддерживалась как само собой разумеющееся через семью и работу.

Мужественность как социокультурное понятие подразумевает под собой позитивный образ мужчины, инварианты того, что от него требует и ожидает общество, сумму внешних и внутренних практик, которые позволят окружающим (мужчинам, женщинам, самому субъекту) судить о его мужской состоятельности и привлекательности. Должное исполнение обязанностей и удовлетворение ожиданий окружающих приводит человека к продвижению вверх во внутренней структуре группы, а игнорирование – к понижению внутригруппового статуса. Таким образом, можно говорить, что участие в социально-культурных группах соотносится с понятием «власть» и производными от нее привилегиями, хотя последние могут носить вовсе не материальный, а чисто символический, статусный характер: например, уважение, авторитет среди других членов группы. То есть, мужественность, как понятие, связанное с суммой определенных обязанностей и ожиданий, таким образом, может рассматриваться в качестве одного из маркеров внутригруппового социального статуса, который способен помогать или препятствовать индивиду продвигаться по иерархической лестнице.

Мужественность в этом смысле позволяет человеку оказываться внутри и находить для себя возможное, желательно высокостатусное, место во второй по количеству и значимости идентификационной группе, которую можно выделить после категории «человечество» - «мужчины», что необходимо для полноценного построения индивидуальной идентичности.

С другой стороны, по словам А. Тоффлера "мы живем при субкультурном

взрыве"¹, когда ценности, верования, нормы и образцы поведения, транслируемые в малой группе, могут вытеснять, замещать и подавлять те из них, которые считаются доминирующими на национальном или этническом уровне. Именно через принадлежность к малым группам, человек приобретает ощущение собственной неповторимости, уникальности, не теряя причастности к группе, через сохранение признания у составляющих ее людей.

Культурная идентичность – не всегда осознается. Люди часто принимают культурные факторы как данность и редко делают их предметом размышлений или обсуждения. Только немногие, как пишет Суссман, "осознают тот отпечаток, который накладывает на них собственная культура"². Так и мужественность, как категория культурной идентичности редко подвергается особому, специальному осмыслению, просто растворяясь в культурном фоне окружающей человека среды. Однако, как и многие другие элементы культурной идентичности, она становится явной, сталкиваясь с иным её пониманием в рамках другой культуры.

Идентичность в самом широком смысле включает в себя как культурный, так и социальный аспект, которые тесно связаны, но не тождественны. Так же в ней можно выделить объективную, субъективную и социальную сферы. Объективная идентичность – олицетворяется официальными документами, но может отличаться от субъективной, от того, как человек воспринимает самого себя. Мужественность в этом смысле может оцениваться как объективно, через официально закрепленные ее проявления, так и субъективно, как степень собственного соответствия имеющемуся в сознании человека и в обществе эталону, являющемуся частью социальной идентичности.

Социальная идентичность связана с самовосприятием, возникающим из формальной или неформальной принадлежности к социальным группам, с

¹ Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. С. 227.

² Sussman, N. M. The dynamic nature of cultural identity throughout cultural transitions: Why home is not so sweet. *Personality and Social Psychology Review*, 4(4), 2000 с 363

исполняемыми в них ролями. При этом, для установления связи с группой, последняя должна представляться субъекту привлекательной, повышающей его статус в обществе, или хотя бы обеспечивающей высокое положение во внутригрупповой иерархии, что способно компенсировать недостаточно высокое положение в социуме.

Тело - одна из наиважнейших характеристик, благодаря которой, человек не только может судить о том, что объективно является человеком, мужчиной или женщиной, но и проявлять в доступной другим людям форме, как именно воспринимает себя субъективно, насколько соответствует принятым в обществе стандартам, с одной стороны, и насколько может оправдать собственные представления о подобном соответствии.

Телесность как маркер объективной идентичности соответствует биологическому понятию «пол», однако обладая субъективным аспектом, она не всегда точно соответствует социальным проявлениям личности, характеризовать которые более уместно через понятие гендер.

Гендер – значимые социальные проявления, подкрепляющие физические черты пола, которые удостоверяют половую принадлежность в социокультурных группах, то есть под гендером в первую очередь подразумевается усвоенное определенное ролевое поведение. А типы этого поведения распространяются через гендерные социально-культурные группы, в которых создаются и распространяются образы должного и противоречащего гендеру поведения, реакций, установок и норм. И женщины, и мужчины создают свои сообщества, организации и традиции, которые связывают их через систему ценностей³. Изучение чисто мужских сообществ показывает, что в них существуют

³ Inness, S. A. Dinner roles: American women and culinary culture. New York: New York University Press. 2001; Martin, J. Motherhood and power: The production of a women's culture of politics in a Mexican community. *American Ethnologist*, 1990, 17(3), 470-479.

собственные культурные особенности⁴, позволяющие выстраивать внутренние иерархические структуры и налаживать социальное взаимодействие. Г. Бранд определяет гендер как "набор социокультурных качеств, закрепленных за мужским и женским социальным поведением"⁵ и отмечает, что если раньше социальная концепция пола совпадала с биологической, то постепенно гендер начинает обозначаться как "технология, целью которой является конструирование определенных образов мужчины и женщины"⁶. Гендерная идентичность выходит за рамки чисто биологической половой роли и становится частью культурной идентичности, которая, в отличие от половой, не может быть приобретена вне культуры и человеческого сообщества. И именно в рамках гендерной идентичности мужчина будет осознавать и выстраивать собственный образ, как соответствующий или отклоняющийся от принятых критериев мужественности.

К концу XX века мужественность, как часть гендерного аспекта идентичности, начинает перемещаться от реального исполнения определенных требований, то есть от поведения, манер, привычек, действий, к чисто внешним, формальным аспектам: половой принадлежности, одежде, аксессуарам, тем или иным видам техники (от телефонов до автомобилей). Мужественность уже не нуждается в проживании, а только в предъявлении ее знаков, которые для разных

⁴ Ashcraft, K. L. Resistance through consent? Occupational identity, organizational form, and the maintenance of masculinity among commercial airline pilots. *Management Communication Quarterly*, 2005, 19(1), 67-90.; Mumby, D. K. Organizing men: Power, discourse, and the social construction of masculinity(s) in the workplace. *Communication Theory*, 1998, 8(2), 164-182. ; Philipsen, G. Speaking like a man in teamsterville: Culture patterns of role enactment in an urban neighborhood. In D. Carbaugh (Ed.), *Cultural communication and intercultural contact* (pp. 1-26). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum. 1990

⁵ Бранд Г. *Философская антропология феминизма. Природа женщины*. СПб. Алетея, 2006. С. 25.

⁶ Там же. С. 28.

сфер повседневной жизни - поставляются в избытке. Мужчина, проявляя свою мужественность, будет покупать особые, «мужские» средства гигиены, газеты и журналы, фильмы и книги, даже напитки и шоколад. Можно говорить о симуляционной мужественности как приобретении и удержании произведенных в рамках массовой культуры готовых знаков, без необходимости их подкрепления осознанными волевыми, поведенческими выборами или решениями в повседневности.

Мужественность теряет гендерную определенность. Женщины, стремясь к социальному равенству, начинают реализовывать поведенческие шаблоны, которые для них не предназначались, в то время как мужчины все чаще применяют такие образцы поведения и реагирования, которые ранее в общественном сознании прямо противопоставлялись самому понятию о мужественности.

Вернуть субъективной мужественности объективность в социальном проявлении могут те области повседневности, в которых иерархическая структура еще остается полноценно связанной с реальной телесностью и с половой определенностью.

В первую очередь это спорт, в котором все еще существуют четко определенные, конкретно сформулированные понятия мужского и женского, как связанные с реальной телесностью и практикуются соответствующие паттерны поведения. Именно в спортивных сообществах через реализацию гендерной мужественности мужчине все еще дается возможность почувствовать себя оправдывающим ожидания социума и продвигаться по иерархической лестнице, повышая свой внутригрупповой статус.

Спортивные сообщества становятся все более привлекательными, поскольку «спортсмен» как идентификационный образ прочно ассоциируется с успешностью, карьерой, с физическим здоровьем и привлекательностью. И именно через такие группы, в которых сохранена четкая взаимная зависимость

гендера и пола, возможна реабилитация гендера, а вслед за ним половой определенности и мужественности, как существенных параметров для достижения общественного признания и, следовательно, высокого места в иерархии, социальной успешности, а значит, и повышения социального здоровья в целом.

Библиографический список

1. Ashcraft, K. L. Resistance through consent. Occupational identity, organizational form, and the maintenance of masculinity among commercial airline pilots. *Management Communication Quarterly*, 2005, 19(1), 67-90.
2. Inness, S. A. *Dinner roles: American women and culinary culture*. New York: New York University Press. 2001
3. Mumby, D. K. Organizing men: Power, discourse, and the social construction of masculinity(s) in the workplace. *Communication Theory*, 1998, 8(2), 164-182.
4. Martin, J. Motherhood and power: The production of a women's culture of politics in a Mexican community. *American Ethnologist*, 1990, 17(3), 470-479.
5. Philipsen, G. Speaking like a man in teamsterville: Culture patterns of role enactment in an urban neighborhood. In D. Carbaugh (Ed.), *Cultural communication and intercultural contact* (pp. 1-26). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum. 1990
6. Sussman, N. M. The dynamic nature of cultural identity throughout cultural transitions: Why home is not so sweet. *Personality and Social Psychology Review*, 4(4), 2000 с 363
7. Бранд Г. *Философская антропология феминизма. Природа женщины*. СПб. Алетея, 2006.
8. Тоффлер А. *Футурошок*. СПб., 1997.

Сопина Е.Л. Роль мужчины в современной семье

The role of men in the modern family

Сопина Екатерина Леонидовна,
студентка 4 курса
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
НИУ «БелГУ»,
katrinantonova95@mail.ru

Sopina Ekaterina,
4th year student
of the Belgorod State National Research University
NIU "BSU»,
katrinantonova95@mail.ru

Аннотация: в статье проанализированы социальные аспекты мужчины в стремительно меняющемся мире. Дан краткий исторический экскурс, позволяющий провести параллель: какими были мужские роли тогда и сегодня. Была рассмотрена роль мужчины в воспитании детей. Приведенные материалы свидетельствуют о том, что мужчина всегда будет ответственно выполнять свои обязанности, участвовать в семейной жизни, только если в семье царит любовь, понимание, доверие и поддержка, и этому стоит поучиться обоим супругам.

Ключевые слова: отец; добытчик; воспитание; главенство; доминирование.

Abstract: The paper analyzes the social aspects of a man in a rapidly changing world. A brief historical review, allowing to draw a parallel: what were the male roles then and today. the role of men in the upbringing of children was considered. These data indicate that a man will always be responsible to perform their duties, to participate in family life, only if the family there is love, understanding, trust and support, and it should learn both spouses.

Keywords: father; earner; education; headship; dominance.

Роли мужчины и женщины в семье – это не просто некогда созданные обычаи и традиции, но и порядок, установленный Богом. Сотворив первых людей

на Земле, Бог сказал Еве: «К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою». Мужчина также был предназначен стать защитником, поскольку ему даны сильные мускулы, большая физическая выносливость и мужская смелость. Кроме того, Бог повелел ему обеспечить семью, сказав: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься».

Издrevле повелось, что мужчина – это добытчик и защитник. Он добывал для своей семьи пищу, строил жилище, защищал от нападения врагов, изготавливал орудия охоты. В то же время, у мужчин формировался особый аналитический менталитет и структурное мышление – собирая горючее для костра, он должен был хорошо отличать сухие сучья от влажных, готовя копье для метания в добычу – различать разницу в весе наконечника и древка. Возможно поэтому у мужчины так развита логика, ну а женщине, у которой эмоции преобладают над разумом, порой ее не хватает.

Современное представление о мужчине практически не изменилось, но роль мужчины в семье и обществе претерпела заметные изменения, и однозначного ответа на вопрос о положении мужчины в семье, его обязанностях, к сожалению, нет. Увы, этого ответа не могут дать ни психологи, ни социологи. Эта проблема остается, по большей части, вне поля зрения и других исследователей.

На протяжении длительного исторического развития общества мужчина играл доминирующую роль в семье, было характерно четкое ролевое распределение между супругами и детьми, женщина была экономически зависима от мужчины, мужчина не давал женщине права осознавать собственную сексуальность и т. д. Но времена меняются, в ролево-статусных характеристиках женщины наблюдаются ценности самореализации, индивидуальной успешности, социальной престижности, тогда как традиционные установки на семью постепенно уходят на второй план, а что касается мужчины, то наблюдается

снижение их самостоятельности в образе жизни, самообеспечиваемости, самоответственности, инициативности в поведении и т. д. [2, с. 26]

Интересно такое явление: женщина способна влиять на мужские роли. И как бы умен, силен и самостоятелен не был мужчина, именно женщина помогает мужчине добиться поставленных перед собой высот, завладеть успехом, стать лидером. Многочисленными исследованиями психологов было доказано, что женщина и любовь к ней, может сделать из него счастливого и успешного человека, либо неудачника. Не вызывает удивления и тот факт, что главой семьи зачастую выступает женщина. Вопреки своим главенствующим ролям, женщина – жена, хозяйка дома, мать, муза – стала деловой женщиной. В связи с этим растут не только ее требования к самой себе, но и возрастают требования мужчины к женщине. Считается, что если женщина приписывает себе главенство, иными словами «верховодит», то она очень низко оценивает качества мужа. Она вынуждена взять на себя главенство, не обязательно потому что хочет и подходит для этой роли, а потому, что с этими обязанностями не справляется муж. В таких ситуациях мужчины признают главенство жены, так как видят у нее качества, присущие мужчине, а именно волевые и деловые качества. [3, с. 195]

Немаловажен анализ роли мужчины как отца своего потомства, заботливого и ответственного родителя. Вообще, репродуктивная функция является одной из важнейших ипостасей ключевого в жизни каждого человека социального института – семьи, а роль родителя занимает самое значимое место в жизни как женщины, так и мужчины. Отцовство распространяется не только на детей, но и на жену. Глава семьи в ответе за них, обязан их хранить, стараться жить так, чтоб они ни в чём не испытывали нужды. Отец должен быть во всем примером для своих детей. Это не зависит от его образования, чина, должности, важно само отношение мужчины к своему делу: возвышенное. Большое значение для отца должны иметь регулярное общение с ребенком, способность говорить с ним на

важные темы, учить следовать правилам, установленным обществом, в котором он живет, необходимость привить ребенку базовые жизненные ценности, такие как семья, культура.

В настоящее время для воспитания крайне важна также экономическая сторона. В настоящее время, не имея достаточных материальных средств, трудно дать ребенку хорошее образование, обеспечить хорошей одеждой, позволить хорошо питаться и т. д. Но вместе с тем, мне кажется, что мужчина, полностью посвятивший себя зарабатыванию денег, вряд ли станет хорошим семьянином. Однако, есть мужчины, даже длительное отсутствие в семье которых, могут оказывать на детей огромное воспитательное воздействие. Например, военнослужащие, дипломаты, моряки, полярники могут многие месяцы находиться вдали от дома, но их дети при этом будут знать, что у них есть отец — герой и труженик, который занят таким важным делом — служит Родине. [1, с. 225]

По моему мнению, жизнь мужчины должна быть достойной — открытой, честной, трудовой, чтобы ему не было стыдно перед своими детьми. Пример достойной жизни своим детям может показывать только настоящий мужчина. Это и есть ответственность: отвечать перед своей совестью, перед Богом, перед своим народом, перед Родиной.

Подводя итог вышесказанному, хочется сказать словами настоятеля Троице-Сергиева храма г. Самары, академика РАН, профессора, доктора педагогических наук: «Если в семье есть любовь, то вопрос «должен — не должен» отпадает. А если начинаются разговоры, о том, кто` что должен, это значит — любви нет. Когда есть любовь, то кроме долга есть ещё и жертвенность». Я считаю, что никто не может заставить мужчину заниматься домашними делами «по долгу», только он сам — по желанию, и только если он любит свою семью.

Библиографический список

1. Шестун, о. Георгий. Мужчина – глава жизненного порядка в семье и государстве / о. Георгий Шестун // Народное образование. – 2012. – №4. – С. 223-229.

2. Билич, Г. Н. Мужчина в меняющемся мире / Г. Н. Билич // Вестник международной академии наук (русская секция). – 2006. – №2. – С. 24-27.

3. Дорошина, И. Г. Гендерные аспекты ролевой структуры семьи / И. Г. Дорошина, Я. О. Корнилова // Сборники конференция НИЦ «Социосфера». – 2010. – №3. – С. 191-197.

УДК 304.4

Старков С.А. Экологическая политика как категория философии экономики

Environmental policy as a category of economics philosophy

Старков Сергей Андреевич
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
г. Москва
lara.starkova@yandex.ru

Starkov Sergey Andreevich
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация. Показана значимость и роль «экологической политики» в структуре категориального аппарата философии экономики. Необходимые инновации в экологической политике связываются с развитием экофилософского сознания и мироотношения как условиями нового типа нормативности бытия человека и общества.

Ключевые слова: философия экономики, экологическая политика, субъект, инновации, деятельность, природа, общество, культура

Abstract. It is shown the importance and role of "environmental policy" in the structure of categorical apparatus of economics philosophy. Necessary innovations in environmental policy are

connected with the development of ecophilosophy consciousness and attitudes toward the world as the conditions for a new type of normativity of life of man and society.

Keywords: philosophy of economics, environmental policy, the subject, innovation, activities, nature, society, culture

Наиболее характерной тенденцией развития современной философии экономики является рост интереса отечественных и зарубежных исследователей к ее экологическому измерению и обусловленных им проблемам. Однако одна из таких проблем, от решения которой в значительной мере зависят перспективы решения глобальных проблем современности, - проблема необходимых инноваций в сфере экологической политики - пока не стала предметом специального анализа в философии экономики.

С нашей точки зрения, наиболее адекватной методологией для ее развернутой постановки и решения, является экофилософская парадигма. [1]

Экофилософия – это направление философии и соответствующий тип мироотношения, особенностью которого выступает исследование на уровне всеобщего отношения «Человек – Мир», направленное на восстановление статуса бытия как целостности-тотальности и гармонической взаимосвязи человека, культуры, природы, общества и космоса. [2].

На развитие экономики через экологические инновации, таким образом, могут воздействовать такие факторы как экологическое мировоззрение и открытая на его основе философско-экономическая картина мира, а потому и тенденции, характеризующие становление ноосферного сознания, экологической культуры и соответствующих векторов образования.

В такой экофилософской логике разработка принципов и целей экологической политики, которая осуществляется государством, должна быть ориентирована на диалог с общественностью: с хозяйствующими субъектами,

которые практически осваивают экологические технологии; с учеными-экономистами, философами, менеджерами, которые разрабатывают и апробируют концептуальные модели этой политики. В этом диалоге пространство перспективных экологических инноваций выступает как приоритетная сфера, которая требует своей конкретизации.

В современной литературе уже сформирована позиция, в которой отстаивается ценность инноваций в перспективе экологического воздействия на экономику. Так, Н.А.Пискулова считает, что «экологические инновации могут стать главным направлением инновационного развития России и позволить нашей стране осуществить структурную перестройку экономики, высвободить неэффективно используемые природные ресурсы, улучшив ситуацию в природоохранной сфере, повысить конкурентоспособность российской продукции. Грамотная инвестиционная и инновационная политика в природоохранной области послужит стимулом для компаний осуществлять экологически ориентированные капиталовложения и активизирует развитие соответствующего рынка». [3]

Так, в центр философии экономики выходит экологическая политика как категория, отражающая общую форму и средство воздействия экологической парадигмы на экономический процесс. При этом экологическая политика - (от греч. oikos - дом, родина и греч. logos - слово, учение) в данном аспекте – это такая часть политики государства, которая направлена на гармонизацию отношений человека, форм его экономического бытия и воздействий общества, культуры и человека на природу.

Современная ситуация может быть изменена при проведении последовательной и концептуально целостной экологической политики, и консолидации на ее основе всех субъектов экономической жизни. Очевидно, что экологическая политика проводится как на локальном уровне, т.е. внутри регионов и стран, так и на межрегиональном и глобальном уровнях. Внутренняя

экологическая политика заключается в принятии законов, направленных на сохранение и реабилитацию, восстановление природных ресурсов, которые истощаются в результате человеческой деятельности; создании государственных программ в природоохранной и смежных областях; выделении средств на поддержание окружающей среды различным институтам общества, и т. д. На международном уровне эта деятельность востребована потому, что природа не знает искусственных, в частности, политических, государственных границ, она едина для всех людей Земли.

Подчеркнем, в этом наиболее характерном для экоэкономических исследований определении экологическая политика сводится к политике природоохранной деятельности, направленной на защиту окружающей среды от вредного воздействия современных производственных технологий и процессов. Однако, смысл этого понятия, с нашей точки зрения, шире.

Так, основатель политической экологии Линтон К. Колдуэлл в своей статье «Окружающая среда: новое направление государственной политики?» показал необходимость выработки государственной политики по отношению к окружающей среде как к единому целому. [4] Этот автор не только ввел в научный оборот сам термин «экологическая политика» (environmental policy), но и стал одним из авторов первого в мире закона об экологической политике – Национального закона об экологической политике, принятого в США в 1969 году, основой которого стал холистский подход к окружающей среде.

Его целью провозглашалось достижение гармонии общества с окружающей средой на основании понимания закономерностей экологических систем. Экономическая выгода здесь не рассматривается как приоритет. Но в последующем рассмотрении связи экономики и экологии в экологическую политику начинают включаться более конкретные философско-экономические и теоретико-экономические категории.

Например, Зигфрид фон Сириаси-Вэнтрап считает, что экологическая политика (environmental policy) или экологическое управление (environmental management) – это область, где происходит пересечение интересов сфер экологии и экономики. Экологическая политика, как скоординированная система целенаправленных действий, состоит, по его мнению, из двух основных направлений – охраны окружающей среды (conservation) и распределения ее ресурсов (allocation). В 1970-х – 1980-х годах был опубликован ряд работ, специально посвященных экологической политике, а также политическим аспектам экономики окружающей среды (environmental economics), которая в этот период сформировалась в качестве самостоятельной субдисциплины.

Экологическая политика получает статус категории и проблемы в философско-экономической и практической плоскостях. Поэтому закономерно, что к началу 1990-х годов в рамках философии экономики сложились разделяемые большей частью научного сообщества представления об экологической политике. В последние годы заметно возрос научный интерес к международной составляющей экологической политики: его глобальным экологическим проблемам и вопросам международного сотрудничества. Новые публикации внесли ценные дополнения в экономику окружающей среды, не опровергнув при этом основных ее постулатов, представленных выше. Итак, под экологической политикой (environmental policy) с точки зрения экономики окружающей среды подразумевается комплекс мер, предпринимаемых государством для достижения желаемого качества окружающей среды. Несмотря на наличие значительной критики как методов экономики окружающей среды (cost-benefit analysis), так и экономического подхода к экологическим проблемам вообще [5], данный подход является на сегодняшний день одним из самых распространенных на практике.

Несмотря на признание ключевой идеи гармонизации взаимодействий экономики и природы, здесь осуществляется скорее экономическая, чем

экологическая рационализация этого пространства, которую осуществляет государство. При этом даже собственные экономические интересы государства и частных компаний оказываются несбалансированными с учетом фактора ответственности, отношения к окружающей природной среде.

Здесь открывается противоречие между экономической рентабельностью и экологической ориентацией на сохранение качества окружающей среды. Одной из существенных проблем оказывается «конкурентоспособность страны в международной торговле, предпринимающей политические и экономические шаги по решению экологических проблем. Те индустрии, которые понесут наибольшие потери от экологического регулирования, могут значительно ослабить свои позиции на мировом рынке, что, несомненно, скажется на торговом балансе страны, на уровне занятости и на объеме валового национального продукта... Второй проблемой является трансграничный, а подчас и глобальный характер экологических проблем, что требует коллективных усилий» [6, с.62]. Но как обеспечить сотрудничество стран в мировом масштабе при сохранении существующей конкуренции?

Все это объясняет незначительный удельный вес экологических инноваций в современной мировой экономике – не более 3-5 %.

В этом контексте экологическая политика России как в отношении теоретическом, философско-экономическом, так и практическом, не выглядит инновационной. Прежде всего, весьма слабой пока является современная общественная позиция по проблемам экологии. Е.В.Матвеева, которая анализировала соответствующие социологические исследования, отмечает, что «в России сложилась так называемая проэкологическая коалиция, которая в современной экологической политике России состоит из неправительственных организаций гражданского общества; прессы (поскольку она выражает интересы экологически озабоченного населения); до некоторой степени из новых органов

государственного управления». Медленная эволюция российских неправительственных организаций в полноправных участников экологической политики обусловлена... недостаточной массовостью, организованностью, компетентностью» [7, с.304-305].

Этот социологический анализ показывает также отсутствие должной специфически российской экологической культуры и сознания у субъектов экономической и социальной деятельности в целом.

Е.В.Матвеева отмечает, что «люди оказались более озабочены выживанием на планете, чем собственным экологическим благополучием...»

С утверждением о том, что «государство должно изыскать средства для охраны окружающей природы, а граждан это не касается», полностью или с оговорками согласились 52% опрошенных... Более того, не менее 50% россиян не осознают конфликт между экономическим ростом и экологическими ценностями. Подавляющее большинство наших соотечественников (80%) в международном опросе ответили «нет» на вопрос: «Готовы ли вы пожертвовать ростом личного благополучия, если это необходимо для охраны природы?». Этот результат оказался предпоследним среди десятков стран (последний был у Нигерии). Опрос показал, что нет жесткой связи между уровнем жизни и готовностью населения к жертвам во имя природы. В США 40% согласились на проведение экологической политики в ущерб себе, а первую позицию заняла Южная Корея. Указанные опросы проводились в конце 90-х гг. XX в.»

Однако «социологические опросы, проведенные в России в последние несколько лет, показывают возрождение интереса к экологическим проблемам и возрастание степени озабоченности ими населения, прежде всего в местах своего проживания» [7, с.306]. Таким образом, можно считать, что невысокий уровень общественного сознания населения по вопросам экологии предопределяет монополизм государства в области экологической политики.

Из сказанного вытекает необходимость целостного исследования комплекса инноваций в пространстве экологической политике применительно к экономической сфере жизни современного российского общества. В основу таких инноваций может быть положена сформулированная в "Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года" (утверждена Президентом РФ 30.04.2012) стратегическая цель. Такой целью является решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Сегодня, таким образом, опыт свидетельствует об отсутствии последовательной эколого-инновационной политики в России, которая остается вне понятий на основе экофилософии и философии экономики. Поэтому для прорыва в современной российской экологической политике она должна быть трансформирована в следующих направлениях.

Прежде всего, речь идет о самосознании философии экономики, развитой на основе экофилософской парадигмы, как формы перехода к устойчивому экономическому развитию, связи процессов развития глобализации, ноосферного сознания, формирования экологической культуры общества. В пространстве такой философии экономики экологический смысл инноваций осваивается не только через понятия эффективной экономики, затрат, экономических рисков и т.п., но как конкретно-предметное и функционально содержательное проявление целостности, выражающей экологическую парадигму, а потому взаимодействие человека-общества-культуры-экономики-экологии. Подчеркнем, что такие инновации и

соответствующая им политика освоения ресурсов охватывает не только сферу самой экономики, но и нормы существования человека как человека экологического и человека планетарного бытия, который оказывается вместе с тем человеком культуры Земли. В силу этого в философии экономики в центр ее концептуального пространства попадают не просто вопросы экологической политики, формулировки ее принципов и технологий, ориентированных на развитие сферы потребления, а программа развития гуманистической экоэкономики и соответствующий ей образ жизни и самосознания.

Библиографический список

1 Баркова Э.В. К исследованию мировоззренческих оснований экофилософии // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 1 (30). С. 180-186.

2 Баркова Э.В. Развитие экологического императива Н.Н.Моисеева в целеполагающих стратегиях информационной экологии // Материалы ежегодной Международной заочной научно-практической конференции. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2015. Т. 3. С. 100-108.

3 Пискулова Н. А. Экологический вектор развития мировой экономики // URL: <http://www.dissercat.com/content/ekologicheskii-vektor-razvitiya-mirovoi-ekonomiki#ixzz3xy9aYGTm>

4 Caldwell, Lynton K. Environment: A New Focus for Public Policy? // Public Administration Review, Vol. 23, No. 3, 1963, pp. 132–139.

5 O'Neill, John. Ecology, policy and politics: human well-being and the natural world, London: Routledge, 1993, pp. 44, 180.

6 Саблин И. В. Теоретические аспекты экологической политики // Молодой ученый. — 2011. — №6. Т.2. —С. 58-64.

7 Матвеева Е.В. Экологическая политика современной России // [Известия Алтайского государственного университета](#) Выпуск № 4-1 / 2010 С. 304,

8 Баркова Э.В. Масштаб личностного развития в целевых установках проектирования экокультуры информационного общества // Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества Труды Международной научно-теоретической конференции . Ответственный за выпуск: О.Д. Шипунова. – СПб.: Изд-во Спб политехнического ун-та. 2015. С. 5-8.

9 Бузская О.М. Экологическая безопасность как критерий развития межкультурных коммуникаций // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. № 1-2 (11). С. 5-12.

10 Бузская О.М. Гуманитарные технологии и их потенциал в развитии информационного общества // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 4 (8). С. 94-102.

11 Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994

12 Ивлева М.И. Бытие человека с точки зрения субстанциального подхода: экологический аспект // В сборнике: Человек в современных научных и философских концепциях мироздания сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука»; Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. 2016. С. 5-13.

13 Понизовкина И.Ф. Ещё раз об экологии // Вестник Российского философского общества. 2009. № 1. С. 128.

14 Понизовкина И.Ф. Тема миссии России как путь к диалогу культур и цивилизаций // Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты Материалы Московского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева. Москва, 2015. С. 303-309.

15 Чернышева Е.Н. Глобальный мир: особенности и проблемы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 4. С. 23-27.

16 Чернышева Е.Н. Проблемы формирования глобального образовательного пространства //Социально-гуманитарные знания. 2014. № 8. С. 205-215.

Секция 3. История, идеология, функции и философия мировых религий

УДК 93/94

Елизаров М.В. Сравнительный анализ государства Спарты и Афин

A comparative analysis of Spartan and Athenian society

Елизаров Михаил Владимирович
Башкирский государственный университет, г. Уфа
mikeufa@yandex.ru

Mikhail Elizarov
Bashkir State University, Ufa
mikeufa@yandex.ru

Аннотация. В статье автор делает попытку раскрыть устройство социальной и политической жизни в Спарте и Афинах, проанализировать сходство и различия между этими двумя полисами, сыгравшими важнейшую роль в становлении государственности в Древней Греции и внёсшими большой вклад в развитии европейской культуры в целом.

Ключевые слова: Древняя Греция, город-государство, полисы, демос, Афины, Спарта, сходства и различия, криптия, экклесия, буле, дикастерий.

Abstract. In his study the author attempts to describe public and social order in Sparta and Athens, to set out the similarities as well as the differences between the two city-states that played a crucial role for nation-building in ancient Greece and had the biggest influence on the history of European culture.

Keywords: Ancient Greece, city-state, poleis, demos, Athens, Sparta, similarities and differences, crypteia, ecclesia, boule, heliaia.

1. Социально-политическое устройство Спарты.

Спарта (также известная как Лакедемон) являлась одним из полисов в Древней Греции. Город находился на дне глубокой долины, окружённой высокими горами, которые словно преграждали контакт с внешним миром. Основную массу населения Спарты составляли воины, солдаты. Пика своего могущества Спарта достигла после нанесения поражения Афинам в период Пелопонесской войны (431-404 гг. до н.э.).

По мнению Ю.В. Андреева, Спарта — «...самое необычное и наиболее загадочное из всех греческих государств» [1, с. 194]. Люди, жившие в Древней Спарте, целиком посвящали себя военному делу. С раннего детства спартанцам внушали мысль, что преданность своему государству важнее всего, даже семьи. Государство строго следило за тем, чтобы уже в 7-летнем возрасте мальчиков отлучали от матерей и ввергали в мир насилия. Такая система воспитания предполагала раннюю социализацию: мальчиков принуждали защищать себя, драться с более сильными и взрослыми соперниками, страдать от голода, воровать и, если надо, убивать. Испытания не прекращались ни на минуту. В 20-летнем возрасте спартанцы становились военнообязанными и пребывали на действительной военной службе до 60-летнего возраста.

Постоянное муштрование и жёсткая дисциплина превратили спартанцев в безжалостных воинов. Отправляясь в военный поход, спартанский солдат (или *гоплит*) надевал большой бронзовый шлем, нагрудник и наколенники, неся круглый щит, сделанный из бронзы и древесины, длинное копьё и меч. Воины носили длинные волосы и красные плащи.

Женщины в Спарте, хотя и не принимали участия в военных баталиях, но были лично свободны. Обычно они получали образование, хотя не в школах и отдельно от мальчиков. Нередко спартанские женщины участвовали в спортивных состязаниях, включавших в себя метание копья и борьбу, принимали участие в конкурсах по пению и танцам. Взрослым женщинам разрешалось владеть и

распоряжаться собственностью. Вступая в брак, спартанские женщины брили голову и долго носили короткие стрижки после замужества. Супружеские пары зачастую жили порознь, так как мужчин до 30 лет обязывали проживать в коммунальных бараках. Для свидания с жёнами они тайком покидали пределы части в ночное время.

Население Спарты состояло из трёх групп: собственно *спартанцев* (или спартиатов) — полноправных граждан; *илотов* (или рабов) и *периэков* (маргиналов, как сказали бы сегодня), которые не относились ни к рабам, ни к свободным гражданам. Как отмечает Л.Г. Печатнова, спартанское общество на протяжении своей истории «...порождало всё новые и новые маргинальные группы, которые, в конце концов, и погубили само это общество» [2, с.173].

Периэки занимались ремеслом и торговлей, платили налоги и служили в армии, но реальных политических прав они не имели. В самом низу социальной лестницы спартанского общества находились илоты. Илотами, что означало «пленники», становились греки родом из Лаконии и Мессении, которые были покорены спартанцами и превращены в рабов. Илоты возделывали землю, выполняли функции домашней прислуги, медсестёр и обслуживающего персонала для воинов Спарты. Для подавления постоянных мятежей среди илотов спартанцы устраивали карательные мероприятия — *криптии*, которые имели цель устрашения и наказания непокорных.

Спарта имела весьма необычную систему государственного устройства. Полисом правили два царя, но их власть ограничивалась герусией («советом старейшин»), состоявшим из 28 членов. Большую роль в управлении делами полиса играла коллегия Эфоров. Эфорами становились обычные граждане, так как для этого не требовалась ни богатства, ни особого опыта. Первоначально данный институт не обладал реальной властью, и Эфоры скорее играли роль советников царей. Однако ко времени битвы при Фермопилах (480 г. до н.э.) эфоры уже имели

право налагать вето на решение царя о начале вести войны.

Данный политический институт был упразднён в 227 г. до н.э. по решению царя Клеомена III.

Следует отметить, что заслуга Спарты в деле защиты земель Эллады была достаточно велика. Героизм спартанцев в битве при Фермопилах во времена персидских войн вдохновил греков на ведение упорной ожесточённой против иноземцев. Афиняне и спартанцы сражались бок о бок в битве при Платеях (479 г. до н.э).

Могущество самой Спарты было недолговечным: в 371 г. до н.э. Спарта потерпела поражение от Фив в битве при Левктрах, после чего спартанское государство вошло в кризисную стадию своего развития. Тем не менее, ещё долгие годы Спарта продолжала играть роль второстепенной державы.

2. Социально-политическое устройство Афин.

Самым крупным полисом в Древней Греции были Афины. Они управляли исторической областью под названием Аттика (что значит «прибрежная страна»). Афины находились высоко на холмах и, в отличие от Спарты, имели очень выгодное географическое положение: жители города могли наслаждаться свежим морским бризом, да и сам город, казалось, смотрел на мир глазами счастливого ребёнка.

Афины процветали и богатели, так как в Аттике были залежи ценных полезных ископаемых — серебра, свинца и мрамора. Афинам принадлежал и самый многочисленный военно-морской флот в Греции. Это был очень оживлённый город: люди съезжались сюда со всех уголков Древней Греции и других стран, получали здесь образование и вели активную торговлю.

В Афинах ежегодно проводились фестивали, соревнования по лёгкой атлетике и религиозные праздники. Самым известным зданием в Афинах был храм Парфенон, стоявший на скалистом холме Акрополя. Внутри Парфенона была

статуя защитницы города богини Афины.

По сравнению с простым и мрачным укладом жизни спартанцев, жители Афин могли похвастаться многообразием выбора. Юноши получали хорошее образование, могли заниматься наукой, искусствами. Девочек обучали готовить пищу, вышивать и работать по дому. Повзрослев, они становились хорошими жёнами и матерями. Мальчики посещали школу, обучались поэзии и игре на лире. У афинян был очень открытый и продвинутый взгляд на вещи.

Наиболее широкий набор прав в Афинах имели свободные граждане. В частности, они обладали правом ходить на выборы, голосовать, выступать от своего имени в суде. Но полноправными гражданами становились только те, чьи родители являлись афинянами. С 18 лет молодых людей заносили в списки граждан, и они получали статус эфебов. В течение 1 года эфебы проходили специальное обучение и воспитание.

Каждый мужчина в возрасте от 20 до 50 лет в любой момент мог быть призван на военную службу. Богатые аристократы несли службу в течение 1 года, как правило, на военных судах. Они обязаны были выплачивать из своего кармана жалование судовому экипажу и проводить за свой счёт ремонтные работы на корабле.

Примерно 1/3 из 250-300 тысяч жителей Афинского полиса составляли рабы. Ими зачастую становились военнопленные, хотя многие уже рождались в неволе. Практиковалось и долговое рабство. Некоторые рабы находились в собственности государства, как например, рабы-лучники из Скифии, которые выполняли для Афинского государства полицейские функции. Существовал также особый социальный слой, их называли *метеки* — чужестранцы, которые зачастую становились мелкими ремесленниками, купцами, ораторами или артистами.

В отличие от Спарты, женщины в Афинах юридическими правами не обладали и находились на иждивении у своих мужей или их отцов. Они не могли

владеть и распоряжаться собственностью. И если, например, в Спарте женщины наряду с мужчинами могли участвовать в состязаниях, в Афинах женщины выполняли работу по дому, ткали или готовили пищу.

Как и в Спарте в Афинах издревле существовал совет старейшин — *ареопаг*. Он состоял из представителей аристократии и являлся единственным органом в Афинах, который не избирался, а сам избирал новых членов в свой состав на пожизненный срок. Ареопаг следил за нравами и являлся хранителем традиций.

В 507 г. до н.э. Афинский политический лидер Клисфен осуществил ряд реформ, получивших название демократия (или власть народа). Реформа Клисфена отменяла неравенство в политических правах, которое до этого существовало между афинскими аристократами и представителями среднего и рабочего класса. Тем не менее, равенство это было ограничено небольшим сегментом афинского населения.

Реформа Клисфена предполагала создание трёх отдельных институтов: *эклесии* (народного собрания) — суверенного органа управления, который издавал законы и определял внешнюю политику афинского полиса; *буле* (или Совет 500), который включал в себя представителей десяти афинских племен, и *дикастерия* — суда присяжных.

На собраниях *эклесии* могли присутствовать только полноправные граждане. Собрания проводились 40 раз в год в зале на склоне холма Пникс к западу от Акрополя. На них принимали решения о войне и мире, определяли внешнюю политику, издавали и пересматривали законы, утверждали или отстраняли от должности государственных лиц. Решения принимались простым большинством голосов.

Буле представляла собой группу из 500 человек, по 50 от каждого из десяти афинских племён, которые осуществляли свои функции в течение 1 года. В

отличие от экклесии, буле собиралась каждодневно и осуществляла практическую работу по управлению полисом. Буле курировал работу госслужащих и контролировал состояние флота и поголовье лошадей для армии.

Дикастерий (суд присяжных), на нём полноправные афинские граждане самостоятельно рассматривали судебные дела, выступали адвокатами или прокурорами, выносили решения принципом большинства. За свою работу присяжные получали заработную плату, но так как заработная плата была меньше, чем в день зарабатывал среднестатистический рабочий, присяжными зачастую становились пожилые пенсионеры.

Перикл в «Истории» Фукидида так раскрывает сущность афинской демократии: «В нашем государстве мы живём свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений... Между тем как наши противники при их способе воспитания стремятся с раннего детства жестокой дисциплиной закалить отвагу юношей, мы живём свободно, без такой суровости, и тем не менее ведем отважную борьбу с равным нам противником... Мы развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительности и предаемся наукам не в ущерб силе духа...» [3, с.106-107].

Несмотря на то, что демократическая система управления в Афинах просуществовала всего около двух столетий, именно это изобретение Клисфена явилось одним из самых значимых и полезных достижений Древней Греции.

Подведём итоги, выделим сходства и отличия Спарты и Афин.

1. Жившие в Спарте и Афинах люди говорили на одном языке, но во всём остальном это были совершенно разные полисы.

2. Афины была интеллектуальным центром Древней Греции, в то время как Спарта больше напоминала военный лагерь.

3. Если жители Афин любили сидеть на солнце, читать стихи и слушать мудрые слова философа, то Спартанцы приносили все человеческие эмоции в

жертву военному ремеслу.

4. Спарта была в основном аграрной страной в силу её внутреннего положения. Наиболее важным сектором экономики был импорт металлов. Афинская же экономика была напрямую связана с торговлей. Афины стали передовой торговой державой Средиземноморья в 5 в. до н.э.

5. В Спарте, как и в Афинах, помимо полноправных граждан имелся и класс полубесправных — периэков и полностью бесправных — илотов. Периэки были личной свободой, но гражданскими правами они не обладали и обязаны были платить налог в государственную казну.

6. Афины и Спарту отличала внешняя политика. Спарта стремилась удержать то, что имела, поддерживая свою армию в постоянной боевой готовности. Афины, напротив, желали контролировать всё больше и больше земель вокруг них.

7. В конце концов, незначительные разногласия между Афинами и Спартой привели к полномасштабному конфликту — Пелопоннесской войне. После длительной осады в апреле 404 г. до н.э. Афины сдались. Высокие стены города были снесены, а весь военно-морской флот был увезён спартанцами. Растеряв все колонии, Афины перестали играть роль центра древнегреческой цивилизации и утратили возможность влиять на судьбы других греческих народов. Но, будучи колыбелью античной культуры и образования, Афины продолжали влиять на идеи мыслителей далеко за пределами Эллады.

Библиографический список

1. Андреев Ю.В. Спарта как тип полиса // Античная Греция. Т.1. М., 1983. С.194-217.
2. Печатнова Л.Г. Спартанские парфении // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф.

Э.Д. Фролова. Под ред. И.Я. Фроянова. СПб., 1998. С.172-186.

3. Фукидид. История / пер. Г.А. Стратановского. – М.: Ладомир, 1999. – 736 с.

УДК 124.6:140.8:236

Чеснова Е.Н., Мартьянова Е.Г. Современное историческое сознание и эсхатологические представления развития истории

The modern historical consciousness and eschatological representations
development of history

Чеснова Елена Николаевна
Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого, г. Тула
Elenika.Nova@gmail.com

Chesnova Yelena Nikolaevna
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula

Мартьянова Елена Георгиевна
Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого, г. Тула
Helena183@yandex.ru,
Martyanova Yelena Georgievna
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению современного исторического сознания, его связи с эсхатологическим мышлением. Проводится аналитический обзор эсхатологических представлений в свете концепций исторического процесса (линейных и циклических концепций). В статье рассматриваются различные виды эсхатологических сценариев, цели истории и специфика направленности процесса развития истории.

Ключевые слова. Историческое сознание, эсхатологические представления, концепции исторического процесса, эсхатологический сценарий.

Abstract. The article devoted to consideration of modern historical consciousness, his

connection with eschatological thinking. Conduct analytical review of eschatological views in the light of the concepts of historical process (linear and cyclic conceptions). The article considers different types of eschatological scenarios, objectives of history and specificity direction of the development process history.

Keywords. Historical consciousness, eschatological representations, the concepts of the historical process, eschatological a scenario.

В виду политических, социокультурных, экономических изменений происходящих в современном мире, формирования новых социальных институтов, оснований духовной культуры и ценностей общества мы наблюдаем коренные изменения в общественном и индивидуальном сознании, в стиле мышления, мировоззренческой парадигме, способах и видах социальной адаптации. Происходит изменение осознания исторической реальности, историко-культурного прошлого, нередки случаи трансформации содержания исторического процесса. Это приводит к тому, что нарушается генетическая связь «исторического прошлого с историческим настоящим и прогнозируемым будущим» [1, с. 3]. Происходит изменение концепций исторического развития и представлений об их развитии, что может привести к нарушению или, наоборот, к развитию исторического самопознания, к стабилизации или изменению социальной практики и ее рефлексии. На современном этапе мы наблюдаем нарушение ритма стабильности общественной жизни, все большее проявление глобальных тенденций, которое сопровождается «объективным разрушением старых и возникновением новых ценностей и ориентиров, социальных и культурных образований» [2, с. 3], гегемонии отдельных социумов в проецировании определенных взглядов на цивилизационное устройство, «ценности, культуру, образ жизни и мышления» [2, с. 3]. В этом плане особую роль начинают играть эсхатологические представления и настроения в обществе, приобретающие наиболее яркую окраску именно в кризисные, переломные периоды развития общества, также как активизация

индивидуального и массового исторического сознания. На современном этапе понимание исторического процесса на ментальном уровне часто связывается с различными эсхатологическими сценариями развития истории, детерминирующимися локальными историческими представлениями, мифами. А эсхатологическое мышление получает раскрытие в качестве важного «социально-психологического фактора исторического процесса и как феномена исторического сознания» [3, с. 72]. Не только сами формы эсхатологических суждений, но «их социально значимые проявления в поведенческих актах личности и общества» [3, с. 72] приобретают особую актуальность.

Историческому процессу религиозно-философские представления и мифы придают эсхатологическую окраску и специфику направленности процесса развития истории (циклическую или линейную). Помимо этого на современном этапе мы можем говорить не только о мифологических и исторических типах эсхатологии, но и «секулярной эсхатологии» (о. А. Шмеман). Все эти типы характерны для современного исторического сознания, так как эсхатологическое мировоззрение перенесено из религиозной культуры в светскую культуру, мирское пространство, «в которое вплетается секуляризированное сакральное» [4, с. 37]. Современное историческое сознание сталкивается с эсхатологическими представлениями и включает их в свое мировоззрение. Это происходит в виду следующих действующих факторов в обществе: «нарастание тревоги и неопределенного ощущения реальности глобальной катастрофы, непрочности бытия человека и общества», последствия «глобализации и мультикультурации, приведшие к кризису общественного и религиозного сознания, утрате традиционных религиозных и семейных ценностей, образовавшемуся мировоззренческому вакууму» [4, с. 37]. Это приводит и к тому, что утрачивается традиционное понимание эсхатологии. Историческое самопознание может происходить на основе эсхатологических представлений, которые базируются на

циклической концепции исторического процесса (мифологического типа эсхатологии) и ощущения цикличности «темпоральности» (А.Ф. Лосев) и «миф о вечном возвращении» (М. Элиаде), извечного повторения единого ритма Космоса, закономерного, периодически повторяющегося разрушение и воссоздание в первоначальном виде мира. Исторической ретроспективе мы это можем проследить в индийской, египетской, месопотамской, греческой, римской мифологиях, в историческом мышлении ацтеков, майя, в трудах Гесиода, Платона, Аристотеля, Дж. Вико, Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, М. Элиаде. Историческое самопознание может происходить на основе эсхатологических представлений, которые базируются на понимании линейной направленности исторического процесса (исторический тип эсхатологии). Историческое самопознание и рефлексия протекают при постоянном осознании линейной темпоральности, движения времени к своему концу, к конечности истории. Представление о линейной направленности истории можно обнаружить в иудаизме, христианстве, исламе, особенно в трудах таких русских философов как В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, Н.Ф. Федоров и др. В виду современного развития мира в рамках мультикультурализма, историко-культурной памяти народа на историческое сознание в той или иной степени представления различных культур и течений философской мысли. Историческое сознание и эсхатологические представления происходят в контексте осознания сокровенного смысла событий истории, транс-исторического значения и цели истории – спасение людей. Ставятся во главу угла вопросы о завершении истории, о смысле, целях и причинах исторического процесса, об альтернативности истории и возможности недопущения грядущих катастрофических событий, о роли личности в истории, об извлечении уроков из истории и т.д. На современном этапе данные вопросы имеют секулярный характер в условиях эволюции религиозного мировоззрения и роли религии в обществе, а так же демифологизации исторического сознания. Помимо этого современное

историческое сознание сталкивается с идеей постмодерна и «постистории» (У.Ф. Фукуяма). Для западной цивилизации по мысли У.Ф. Фукуяма конец истории связан с универсализацией «либеральной демократии как окончательной формы правления» и завершением «идеологической эволюции человечества» [5, с. 135]. Создатель концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтон, отрицал возможность создания единой универсальной цивилизации западного типа, усматривал идею цивилизационного конфликта как доминирующего фактора истории будущего. В отличие от него И. Валлерстайн делает акцент на том, что подходит к концу «историческая система, капиталистическая мировая экономика» [6, с. 50], последствием которого будет окончание того миропорядка, который нас окружает и наступление хаоса во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Таким образом, современное историческое сознание тесно сопряжено с эсхатологическими представлениями в понимании исторического процесса и его специфики. Историческая рефлексия протекает в контексте моделирования различных эсхатологических сценариев развития истории. Последние на современном этапе развития общества и цивилизаций формируются и рефлексированы под воздействием политических, социокультурных, экономических изменений происходящих в современном мире.

Библиографический список

1. Леопа А.В. Структура исторического сознания в условиях социокультурного кризиса: Автореф. дис. канд. филос. наук. – Красноярск, 2004. – 24 [1] с.
2. Леопа А.В. Историческое сознание как фактор социальной стабильности в условиях глобального кризиса: Автореф. дис. д-ра филос. наук. – Красноярск, 2014. – 39 с.
3. Бочаров А.В., Буркин С.Ю. Актуальность изучения эсхатологического мышления как фактора исторического процесса и феномена исторического

сознания // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 371. – С. 72–79.

4. Чеснова Е.Н., Якимова Е.Г. Проблематика веры и эсхатологических настроений в мировоззренческих и духовных поисках современности // Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Science, I (2), Issue: 12, 2013. – BUDAPEST, 2013. – 244 p. – P. 35-38.

5. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134-155.

6. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2004. – 368 с.

Секція 4. Глобалізація, цивілізація и мораль

УДК 172

Андрєєв О.М. Глобалізація як філософська проблема

Globalization as a philosophical problem

Андрєєв Євген Миколайович, студент

Донецький державний університет

Andreev Evgeny, student

Donetsk State University

Анотація: Глобалізація в масовій свідомості і в поданні інтелігенції - це нова система влади і панування. Реальна модель глобалізації радикально відрізняється від цих поглядів. Реальна глобалізація формує нові соціальні умови в усіх сферах. Скористатися благами глобалізації заважає боротьба між суб'єктами, групами, між суб'єктом і групою, а також між малими та більшими групами. Структурна сила глобалізації зачіпає всі верстви соціального життя. Однією з найбільш важливих і складних проблем соціально-філософського дослідження глобалізації є постійний взаємозв'язок її функціональних і не функціональних елементів.

Ключові слова: глобалізація, цивілізація, майбутнє

Abstract: Globalization in the public mind and in the representation of intellectuals - a new system of power and domination. The actual model of globalization is radically different from those views. Real globalization creates new social conditions in all areas. Take advantage of the benefits of globalization hinders the struggle between subjects, groups, between the subject and the group, as well as between small and larger groups. The structural strength of globalization affects all levels of social life. One of the most important and complex problems of socio-philosophical study of globalization is the continual interplay of its functional and non-functional elements.

Keywords: globalization, civilization, future

Образ сучасності був би не повним без звернення до її нової історичної

визначеності - глобальності. Глобалізація вносить в історію нові структурні розмежування або відмінності, істотно збагачують постмодерну сучасність.

Єдності у трактуванні глобалізації, треба сказати, немає. Думки тут не тільки множаться, а й поляризуються. Для одних вона - безсумнівне розширення можливостей для затвердження справжнього, або індивідуального, буття всіх суб'єктів історичного процесу: окремих особистостей, соціальних груп, народів, країн, регіонів. Для інших - «дев'ятий вал» історії, що змітає на своєму шляху все ідентичності і самотності. З одного боку, її явно спрощують: дайте термін і все само собою владнається. З іншого - надмірно драматизують, звинувачуючи мало не в усіх смертних гріхах: в хаотизації і криміналізації суспільного життя, в повсюдне падіння моралі, в зубожінні цілих країн і регіонів, в стрімкому поширенні наркоманії, СНІДу і т.д.

В опозиційно-бінарної моделі сприйняття глобалізації, зауважимо, нічого нового немає. Це звичайний засіб виявлення і загострення дійсно нової проблеми. Глобалізація ж - проблема, безумовно, нова. Унікальна, або радикально нова, якщо бути точним. Найбільшу плутанину в дану проблему вносять ті, хто ототожнює глобалізацію з модернізацією. Насправді ж це різні історичні епохи і принципово відмінні один від одного процеси. Глобалізація в сенсі інтеграції, наростання цілісності в рамках епохи модерну (Нового часу) є модернізація; «Модернізація» ж епохи постмодерну (з останньої чверті ХХ століття) є власне глобалізація. Модернізація в останньому випадку «нагороджена» лапками не дарма: глобалізація когерентна і органічна НЕ модернізації, а постмодернізації.

Материнське лоно глобалізації - постіндустріальне, в основі своїй Західне суспільство. Звідти вона зростає, в тому ґрунті її живильні соки, там вона у себе вдома. Але головне - саме там вона по-справжньому і плодоносить. Зі сказаного, однак, ніяк не випливає, що глобалізація не планетарною, а виключно і тільки регіональне («золотий мільярд») явище, процес «консолідації розвинених країн в

їхньому протистоянні решті світу».

Глобальність тому і глобальна, що вона не протистоїть, а захоплює і охоплює. Якщо і є в ній протистояння, то воно історичне (по відношенню до попереднього розвитку), тобто тимчасове, а не просторове. Але проблема тут, безсумнівно, є. Вона - в тому, як розуміти цей захоплення або охоплення. Деяким глобалізація представляється ізотропним інформаційно-технологічним процесом, рівномірно, без розривів і локальних «кристалізацій» обволакиваючим всю земну кульку. Але це, швидше за все, оману.

Процес глобалізації у сучасному світі навряд чи є глобальним у сенсі суцільним, фронтальним. Один з найпоширеніших і, безсумнівно, вдалих його образів - всесвітня павутина (Інтернет). Від нього, на наш погляд, можна відштовхуватися і в пошуку загальної структури глобалізації, її організаційної фактури.

Глобалізація - це експлуатація гетерогенності, відмінностей, а не гомогенності, уніфікації. Потенціал останнього до кінця вичерпують ще на стадії модернізації.

В цьому радість (переваги) і печаль (недоліки) сучасної історичної ситуації. Радість, переваги: ніхто не робить замах на локальні, регіональні, будь-які інші особливості або відмінності. Як не дивно, але саме процес глобалізації нам їх в повній мірі висвітлив і представив. Кожен (країна, народ, соціальна група, окрема людина) може вільно (за власним вибором і почину) самостверджуватися. Печаль, недоліки: визнання, якщо не заохочення особливостей або відмінностей доведено до права хоч торкнеться в них. Тепер самотність можна відстоювати понад усяку міру.

Глобалізація до того ж довела до межі, зробила тотальним по проникненню ринковий принцип життя. Тепер він поширюється не тільки на товари і послуги, але і на цінності, погляди, світоглядні орієнтації. Будь ласка, висувай, пробуй, але

що вийде, що виживе, перемаже - вирішить ринкова конкуренція. Все, включаючи національну культуру, має право на існування, а фактично - на виживання в умовах жорстокої ринкової боротьби. Ясно, що тест на ринок і конкуренцію витримає далеко не всяка самотність. Ціннісно-нормативні банкрутства теж стануть, якщо вже не стають, реальністю. Взагалі йде процес формування єдиної, глобальної культури буття. У світлі цієї перспективи самотні національно-культурні системи цінностей будуть зберігатися, швидше за все, як етнографічні заповідники, на рівні і в формі фольклору.

Постмодерна глобалізація виключає агресивні напади і захоплення - в ній і так вже все схоплено. Сподіватися на допомогу ззовні в такій ситуації не доводиться. Зате багато, якщо не все тепер залежить від історичного вибору, від «волі до розвитку» цілком (безмірно) самотійних суб'єктів історії. Шанс прорватися в постіндустріальну епоху є у всіх, ну майже у всіх. Залишається тільки їм скористатися.

Глобалізація викликана до життя органічної логікою історичного розвитку, підкріпленої ініціативою і проектно-цільовою активністю західного (а в перспективі - і все) людства. В результаті розширення і, головне, змістовного наповнення «життєвого простору» модернізації. Глобалізація не могла не відбутися. Вона - необхідний етап у розвитку людства. Різноманітність не виключається, навпаки, передбачається, але тепер уже в рамках цього історичного типу.

Інакше кажучи, немає альтернативи (суперечність) глобалізації, але є альтернативи (варіанти) в рамках глобалізації. Представлені вони певними національними стратегіями вбудовування в сучасні глобалізаційні процеси.

Егоров Д. А. Философские аспекты глобализации

Philosophical aspects of globalization

Егоров Дмитрий Александрович
Московский Физико-Технический Институт (Государственный Университет), Москва
egordima93@mail.ru

Egorov Dmitriy Alexandrovich
Moscow Institute of Physics and Technology

Аннотация. В статье будет рассмотрено историческое развитие процесса глобализации; освещаются основные проблемы, с которыми столкнулись глобализаторы и их современные решения. В результате утверждается, что процесс глобализации до конца незавершен. Этому препятствует проблема единства ценностей, а также другие более масштабные силы, не заинтересованные подобной глобализационной структуре мира.

Ключевые слова: глобализация, глобальные связи, глобализированный мир, постмодернизм, проблема ценностей.

Abstract. The article will be considered by the historical development of the globalization process; it will be highlighted the main problems faced by the globalizers and their modern solutions. As a result, it states that the process of globalization isn't completed yet. This prevents the problem of common values, and others strong forces, which doesn't interested in such globalization structure of the World.

Keywords: globalization, global links, global World, postmodernism, problem of common values.

Процесс глобализации в данной статье будет рассматриваться как с точки зрения экономического развития, так и с точки зрения проблем философии, возникающих на пути создания наднациональных структур. В статье не затрагивается вопрос о культурных аспектах рассматриваемого вопроса, которые подробно проанализированы в [3] и [4].

В начале речь пойдет об истории возникновения процессов глобализации.

Хотя многие считают, что глобализированным мир начал становиться в середине XX века, зарождение наднациональных структур происходило за долго до этого времени. Такие наднациональные структуры требовались для беспрепятственного преодоления потоков капитала через государственные границы. Так, первой организацией такого наднационального типа является Орден Тамплиеров (действовал с начала XI по XIII века). Внутри него происходило активное развитие финансовых отношений, его представители строили огромные склады и католические храмы по всей Европе. Открывались как бы *филиалы* Католической церкви, входившие в состав единой *логистической системы*, во главе которой стоял Папа Римский (как главный казначей и распределитель ресурсов).

Далее события развивались всем известным образом. В результате Славной революции (1688 год) буржуазия упрочила свои позиции во власти и сконструировала себе правительство (конституционную монархию в Англии). Центральным Банком Англии была также создана единая банковская система. Стало понятно, что хозяином мира будет тот, кто предложит стабильную резервную валюту. Однако, для обеспечения этой стабильности нужна постоянная военная мощь. Великобритании мешали (не хотели ее возвышения) государства Центральной и Южной Европы. Также позиции Англии усугублялись ее островным положением, которое делало ее сильно зависимой от импорта. И здесь обычно считается, что Англия в конечном итоге *как бы* делегировала свои позиции соединенным Штатам. Однако этот процесс, процесс становления глобализированного мира нельзя рассматривать без учета последствий и уроков Второй Мировой войны.

После Второй мировой войны перед рядом стран Западной Европы и США – странах капиталистического лагеря – возник перечень вопросов, требующих решения. Человечество поняло, возможная следующая мировая война приведет к еще более серьезным катастрофическим последствиям. Причина этому –

осознание реальной угрозы уничтожения человечества ядерным оружием. Поэтому задачи стояли следующие:

- Поиск способов глобального регулирования процессами человеческой деятельности
- Необходимо было что-то противопоставить нарастающей силе СССР
- Риск глобального перепроизводства

Так, несмотря на все преимущества идей конкуренции, свободы выбора, стало понятно, что всеми человеческими процессами необходимо управлять в глобальном масштабе. Иначе человечество затеет следующую мировую войну. Также насаждаемая мощь Советского Союза заставляла правительства развитых стран предоставить альтернативу коммунистическому режиму. Но самой главной проблемой, вставшей перед западными державами это риск глобального перепроизводства. Дело в том, что после войны в промышленности европейских стран освободились огромные мощности, сформированные под решение военных задач. Поэтому в 50-е годы рост производства требовал решения проблемы стимулирования потребления. Еще в начале века Карл Маркс предупреждал, что кризисы перепроизводства – это «могильщики капитализма».

Эту проблему в эпоху Великой депрессии американцы (правительство Рузвельта) решило просто раздачей людям денег, чтобы стимулировать спрос. В 50-е годы такой подход, очень эффективный в случае Америки, оказался бы недееспособным и просто привел бы к росту цен. Решение было найдено следующее: сформировать нужные потребности в индивидах и уже под эти сформированные запросы потребителей производить определенные товары (сделать производство более дифференцированным). Спрос на такие товары уже заведомо окажется высоким. Этим начали заниматься маркетологи и рекламные агенты. Такое решение было в высшей степени нетривиально, и, естественно, требовало поиска способов влияния на массовое сознание людей. Со второй

половины XX века разрабатывались технологии, нацеленные на манипулирование массовым сознанием.

Понятно, что эти технологии, так как применялись к большому количеству людей, должны быть достаточно дешевыми. Для решения задачи управления и формирования запросов покупателей.

С философской точки зрения, выяснилось, что сам процесс мышления (физиологическая его составляющая) является очень сложной и не поддается описанию. Например, попытка нейрофизиологов изучить нейронные связи, расшифровать нейронный код, чтобы понять, как происходит процесс принятия решения, провалилась. Другими словами, оказалось, что думают люди по-разному: у разных людей разный программный код процесса мышления.

Решение было найдено в применении механизмов кантианского типа работы сознания. Важна не суть процесса – распутывание процесса мышления на функционирование отдельных нейронов и их взаимодействие между друг другом, а суть в том, чтобы понять сознание поблоково: как сознание *проявляет* себя. Явления сознания между собой определенным образом связаны, поэтому воздействуя на одно явление сознания можно затронуть все остальное. По сути в этом подходе явно проявляется модель кантовской феноменологии (автор: Иммануил Кант). Кант сказал, что «сознание бессмысленно исследовать в его сущности, а нужно исследовать в его проявлении» [2, с. 473-474]. То есть феноменологическая модель сознания, когда рассматриваются отношения двух явлений сознания без взаимодействия с центром, который производит эти явления. Предполагается, что в сознании человека существует жесткое ядро, где происходят все процессы. А ряд явлений (память, моторные функции, желания) – они проявления ядра.

Со временем в феноменологических (потом в квазифеноменологических моделях) было понято, что можно воздействовать напрямую на явления с

помощью информации, полученной от сенсорных каналов. То есть на прямую, а не через центральный узел (ядро). Основываясь на этом принципе и стало развиваться продвижение товаров, посредством появления соответствующей массовой рекламы в СМИ – и при том очень дешево из-за развития современных средств телекоммуникации. Наличие рекламы воздействовало на определенные явления сознания. У человека возникали соответствующие потребности купить нужный рекламируемый товар, тем самым удовлетворив возбужденную (рекламой) в его сознании потребность.

Именно так капиталистическим странам удалось избежать кризисов перепроизводства. Растущие объемы производства вынуждали расширять рынки сбыта, что требовало от международных компаний выходить на рынки развивающихся стран, где они столкнулись с проблемой различных систем ценностей.

Сложный современный процесс глобализации можно разделить на экономические и культурные составляющие. Ниже приведена довольно грубая модель дифференциации феномена глобализации.

Так, основные составляющие процесса глобализации:

1. Создание международных промышленных производств и рынков сбыта
2. Единая система управления производственными процессами (единый менеджмент)
3. Единство ценностей (Для успешного обучения единому менеджменту.)

Изначально в начале XX века проблему единства ценностей решали для поддержания идеологии тоталитарных режимов (Германия и СССР в 30-е гг.). Однако, единство ценностей через насаждение одной единственной идеологии предполагает отсутствие альтернатив. А, как известно, любое внешнее воздействие в человеческой природе подвергается внутреннему отвержению.

Именно поэтому тоталитарные идеологии потерпели в конечном итоге поражение: люди не хотели принимать извне навязанные системы ценностей.

Проблема, которая не позволяла завершить процесс глобализации, заключалась в сложности построения единой системы ценностей у населения разных стран и разных групп людей.

Один из вариантов решения предложили постмодернисты (А. Файоль, Ж. Делез и другие): уравнивать все ценности – не позволить человеку определиться в приоритетах.

В итоге 70-е гг. прошлого столетия философия постмодернизма начала завершать процесс глобализации, работая над модернизацией системы ценностей. Естественно, что «пробивать» определенные ценности другими ценностями контр интуитивно. Ошибка: нельзя внушить человеку насильно нужную систему ценностей. Для того, чтобы перестроить сложившуюся в индивидах систему ценностей и предпочтений, нужно сначала ее убрать (старые установки). Удаление в данном случае равносильно равнозначности ценностей между собой. Задача глобализаторов и заключалась в том, чтобы *уровнять все ценности в человеке*. Если это произойдет, то человек самостоятельно не сможет определиться в приоритетах, а значит нужные приоритеты, потребности и цели ему могут навязать (те же маркетологи и рекламные агенты).

Такой подход к завершению процесса глобализации является достаточно реальным. Однако, если допустить, что уравнивание приоритетов произошло, то дальше появится кто-то (какая-то структура), которая без труда подчинит действия остальных людей посредством манипулирования их предпочтениями. Об этом последствии своего учения как раз и предупреждали постмодернисты. Эта возможная наднациональная структура контролирует не только межнациональные финансовые потоки, но и формирует дальнейшее развитие глобализационной системы. Ее управление многочисленными человеческими ресурсами путем

созданием и контролированием человеческих желаний. Для этой структуры, существование которой довольно сомнительно, и мало кто всерьез сейчас может конкретизировать что это, главное – делать подчинение незаметно для большинства населения.

Тем не менее, вне зависимости от того существует или нет обсуждаемая сейчас наднациональная структура, гипотетическое влияние ее довольно сомнительно. Этому есть два реальных объяснения. Первое заключается в том, что конкретная цель управления такими глобализационными человеческими процессами не ясна (достаточно сложно развивать масштабные мировые процессы – не понятно куда и как дальше развиваться). Из-за этого управление даже с самыми передовыми инструментами манипулирования сознания является заведомо неэффективным. Второе объяснение, вытекающее из первого, это что, мнения по поводу направлений глобального развития у разных людей у руля этой структуры расходятся. Согласие не может быть достигнуто потому, что каждый из руководителей видит свои пути развития, преследует свои собственные цели (тем более, когда человек понимает, что может влиять на общемировое развитие).

Если рассматривать основные глобализационные тенденции в отдельной конкретной стране, то они претерпевают сильные изменения. Такая дифференциация последних проявляется из-за ее национального менталитета (и здесь возникает проблема ценностей, упомянутая ранее). В случае России, возможно, не стоит говорить о тенденции к интеграции в какую-то глобальную структуру. Масштабы нашей страны, разносторонность наших геополитических интересов настолько велика, что интеграция в уже существующую структуру может не принесет нашему государству серьезных преимуществ. А вероятнее и ослабит позиции невыгодными обязательствами по международным соглашениям. Создание заново многополярного мира и формирование блоков государств (БРИКС, Евразийский союз и п.т.) чревато повторением ошибок, сделанных СССР,

и нагнетанием жесткой конфронтации с Западом. Поэтому в случае России нужно очень внимательно сравнивать предполагаемые пути развития и выбирать наилучшее решение с учетом того, что любое стратегическое решение России способно коренным образом изменить ситуацию в мире.

Современный процесс глобализации очень сложный и неоднородный. Несмотря на процесс глобализации в мире очень сложный и неоднородный, однако отличительные яркие черты его можно понять и проанализировать. Вместе с экономическим развитием и увеличением благ общества он несет и нежелательные последствия (и даже отрицательные эффекты, такие как проявление международного терроризма в ответ на широкое распространение общеевропейского уровня жизни). Для понимания человеком данного явления и возможных его последствий необходимо исследовать процесс глобализации на всех уровнях, в том числе с точки зрения проблем философии.

Библиографический список

1. Гемават П. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. — М.: Альпина Паблишер, 2013. — 415 с.
2. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; Примеч. Ц. Г. Арзаканяна. — М.: Эксмо, 2007. — 736 с.
3. Семенов В. С. Уроки XX века и путь в XXI век: (социально-филос. анализ и прогноз). М., 2000. — 219 с.
4. Яценко М. П. Глобализация как форма организации исторического процесса / автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.11. — СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2010. — 41 с.

Электронное научное издание

ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных трудов
по материалам I международной
научно-практической конференции

30 апреля 2016 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству
обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN 978-5-00-005767-8

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 6,4. Тираж 100 экз.
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова Наталья Александровна
Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул. Бекетова 53.